

Опубликовано в сб. Вереница литер: Сб. ст. к 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 516–570.

О СХЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В АКТЕ КОММУНИКАЦИИ

А. Д. Кошелев
(Издательство «ЯСК»)

1. Исходные положения, основные понятия и цели статьи

1. Содержание статьи. Мы будем исходить из той (отнюдь не новой) мысли, что предметная лексика отражает наивную предметную классификацию мира и включается одной из составляющих в наивную картину мира носителя языка. Поэтому для адекватного описания лексических значений предметных существительных эту классификацию необходимо представить по возможности эксплицитно (см. [АПРЕСЯН 1995: 350—351]).

Основное положение статьи состоит в том, что лексическое значение предметного существительного — это комплексное описание класса его референтов как ячейки (таксона) наивной предметной таксономии носителя языка. Из этого положения выводится схема значения — совокупность характеристического и прототипического компонентов — и их коммуникативные функции.

Статья состоит из теоретической части (п. 1—4) и Приложения (п. 5—7), содержащего примеры толкований предметной лексики. В п. 1 вводятся исходные положения и основные понятия, которые затем иллюстрируются разбором слов *очки*, *забор*, *ограда* и *цветок* и сравнением предлагаемых описаний с известными толкованиями из [ТКС], [НОСС] и [ВЕЖБИЦКАЯ 1985]; далее в этом пункте приводится определение предмета и анализируются центральные понятия статьи: предметный признак и партитивная модель референта; п. 2 посвящен анализу и описанию партитивного значения генитивной группы *У X-а* и изучению с ее помощью партитивной структуры референтов разных типов: артефактов, натуральных предметов и живых организмов; в п. 3. определена семантическая схема предметного существительного и рассмотрена роль ее компонентов в осуществлении языковой

коммуникации; в п. 4 проводится сравнение излагаемой точки зрения с подходом А. Вежбицкой.

В Приложении даны примеры толкований: артефактов (*стул, велосипед, дом 1*), элементов ландшафта (*озеро, море, лужа, река, ручей, родник, ключ, овраг, обрыв, пропасть, ущелье*) и организмов (*растение, дерево, яблоко, организм, животное 1, животное 2, птица*).

2. Содержание и структура лексического значения. Сформулируем некоторые исходные положения и основные понятия.

А) Лексическое значение предметного существительного — это полная обобщенная характеристика класса его референтов. Она складывается из описаний двух типов: предметного признака референтов и прототипического (типичного) образа референтов — манифестанта этого предметного признака. На примере слова *очки*, сказанное выглядит так:

(1) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =
ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК — ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ.

Предметный признак представляет собой характеристическое, содержательное свойство, присущее всем референтам существительного (и только им). Оно усваивается ребенком подсознательно вместе с овладением языком и одинаково у всех его носителей. Усвоение это заключается в том, что ребенок научается правильно соотносить предметный признак с воспринимаемыми предметами, делая их тем самым референтами слова. Иначе говоря, он учится определять, какие предметы соответствуют своими конкретными свойствами (общему) предметному признаку, и, стало быть, являются референтами слова, а какие нет.

Прототипический образ референтов — это прототип, т. е. типичный визуальный (шире, перцептивный) образ референтов, конкретные свойства которых не только отвечают предметному признаку, но и являются собой его типичное внешнее проявление, иначе говоря, манифестируют предметный признак (именно это и выделяет прототипический образ из энциклопедической информации о предмете-референте и делает его элементом языкового значения). Часто прототипический образ референтов составляется из нескольких альтернативных прототипов — типичных образов подклассов класса референтов предметного существительного. Например, подклассы референтов слова *очки* имеют каждый свой прототип: «оптические», «солнцезащитные» и др. Таким образом, на примере слова *очки*, получим:

(1a) *Очки* (ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ) = прототипы {«оптические очки», «солнцезащитные очки», «мотоциклетные очки», ...}.

Прототипический образ референтов формируется у каждого носителя языка индивидуально и вполне осознанно, в процессе использования предметного признака при назывании словом окружающих предметов. В нем фиксируется личный языковой (референциальный) опыт носителя языка. Например, один ребенок никогда не видел солнцезащитных очков, а другой никогда не видел мотоциклетных очков. В силу этого, они будут иметь несопадающие наборы прототипов очков. Аналогично, у городского жителя прототипический образ (набор прототипов) цветка будет несколько иным, чем у сельского.

Предметный признак состоит из двух характеристик: а) структуры частей референта (мы называем ее партитивной моделью референта) и б) функции этой модели, отражающей ту роль, которую, по мнению носителя языка, партитивная модель исполняет. Иначе говоря, он имеет вид:

(1б) ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК = ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕФЕРЕНТА — ЕЕ ФУНКЦИЯ¹.

Например, оптические очки имеют следующую партитивную модель: ‘две линзы, соединенные оправой, к бокам которой приделаны дужки, помогающие удерживать очки перед глазами’; функция партитивной модели — ‘корректировать близорукость / дальновзоркость человека, когда он смотрит сквозь линзы очков, помещенные определенным образом перед его глазами’.

Условимся содержательные элементы лексического значения (модель, ее функцию, прототипы) заключать в словесные «скобки». Тогда схема лексического значения (на примере частного случая — оптических очков) имеет вид:

(2) *Оптические очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

очки корректируют близорукость / дальновзоркость человека, когда он смотрит сквозь их линзы, помещенные определенным образом перед его глазами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕФЕРЕНТА

две линзы, соединенные оправой, к бокам которой приделаны дужки, помогающие удерживать очки перед глазами;

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РЕФЕРЕНТА

прототип «оптические очки».

¹ Как мы видим, предметный признак (1б) референта складывается из характеристик разной природы: структурной и антропоцентрической.

Продолжим разъяснение понятия «предметный признак». Пенсне не имеет дужек и удерживается перед глазами, прижимаясь с боков к переносице. Такое изменение партитивной модели оказалось значимым — ее функция стала несколько иной, чем у очков (пенсне иначе закрепляется), что и дало другое предметное имя для обновленного предметного признака.

Аналогично, партитивная модель стула — ‘опирающееся на четыре ножки горизонтальное сиденье с прикрепленной к нему вертикальной спинкой’, а функция этой модели — ‘позволять одному человеку сидеть определенным образом’. Если мы удалим спинку, то партитивная модель, а с ней и ее функция несколько изменятся и будут отвечать уже другому предметному признаку, связанному со словом *табурет*.

Заметим, что далеко не всякая модификация частей предмета приводит к изменению его функции (и, стало быть, предметного признака). К примеру, офисный стул имеет одну ножку и крутящееся сиденье, однако свое имя (*стул*) он сохранил. Эти нововведения не изменили его функции — обеспечивать человеку соответствующую сидячую позу, поскольку одна ножка с успехом выполняет функцию четырех. Данный пример показывает, что партитивная модель отражает функциональную структуру (и взаимодействие) частей референта.

Б) Условимся считать, что класс референтов каждого предметного существительного включен — как самостоятельная ячейка (таксон) — в наивную предметную таксономию носителя языка, т. е. в древовидную иерархическую структуру с вершиной — классом референтов (таксоном) слова *предмет*². Иначе говоря, класс референтов каждого предметного существительного представлен в сознании носителя языка не изолированно, а как ячейка единой (присущей всем носителям языка) иерархической структуры предметных классов (таксонов) (рис. 1).

Стрелка «↓» обозначает отношение иерархического включения, означающего, что нижний, более частный таксон является подклассом верхнего, более общего таксона.

От вершины этой таксономической структуры — таксона ‘предмет’ идут вниз два подкласса предметов (более мелких таксона): ‘неорганический пред-

² Слово *предмет* употребляется здесь в общем значении: «1. Всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо, как субстанция, как вместилище каких-н. свойств и качеств (книжн.). *Предметы внешнего мира. Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим... и стараюсь во все не глядеть на встречающиеся предметы.* Гоголь» (СЛОВАРЬ УШАКОВА). Для второго, более конкретного значения слова *предмет*: «Вещь, обслуживающая ту или иную потребность ... *Предмет домашнего обихода*» (там же), мы используем слово *вещь*.

‘предмет’					
‘неорганический предмет’			‘органический предмет’		
‘вещь’ (рукотворный)		‘натуральный’ (нерукотворный)	‘труп’ (мертвый)	‘организм’ (живой)	
‘оптический прибор’	‘растение’	‘животное’
...	...	↓	↓
<u>1</u> ‘очки’	<u>2</u> ‘стул’	<u>3</u> ‘камень’	<u>4</u> ‘туша’	<u>5</u> ‘роза’	<u>6</u> ‘орел’

Рис 1. Фрагмент наивной предметной таксономии носителя русского языка.

мет’ и ‘органический предмет’. От таксона ‘неорганический предмет’ идут, разделяясь, таксоны следующего уровня: ‘нерукотворный’ — ‘рукотворный’ предмет. От таксона ‘органический предмет’ идут свои таксоны: ‘труп (мертвый)’ — ‘организм (живой)’ и т. д. Нижний уровень иерархии («листья» иерархического дерева) образуют классы референтов конкретных существительных: ‘очки’, ‘стул’, ‘камень’, ‘туша’, ‘роза’, ‘орел’ (эти таксоны помечены подчеркнутыми цифрами: 1, 2, ...).

Ячейка таксономии заполняется конкретными образами референтов слова, встретившихся носителю языка, вместе с ситуацией, в которой референт оказался, а также способами и условиями взаимодействия с ним, материалом, из которого он сделан и пр. Короче говоря, в таксоне хранится набор целостных картинок, содержащих образ референта, удовлетворяющий предметному признаку (это — основание классификации картинок), вместе со своим окружением.

Намеченная предметная таксономия совпадает у разных носителей языка с точностью до их лексикона. Если, скажем, носитель языка не знает слова *астильба* (название цветка), то в его предметной иерархии не будет и таксона ‘астильба’. Что касается конкретного наполнения ячеек данной иерархии (образами и свойствами конкретных предметов), то оно может заметно варьировать у разных носителей языка.

Рассмотрение класса референтов предметного существительного как ячейки предметной иерархии вносит одно дополнение в лексическое значение (1) слова. В него следует включить информацию о месте класса референтов в предметной иерархии, т. е. информацию о ближайшем включающем (родовом) таксоне.

Возьмем, к примеру, слово *очки*. Его лексическое значение должно содержать наряду с предметным признаком референта (парой: партитивная модель очков — их функция) указание на родовой таксон — ‘оптический прибор’, включающий класс ‘очки’. В качестве такого указателя мы будем использовать соответствующую характеристику родового таксона и называть ее родовым признаком референта. Тогда получаем следующую схему лексического значения:

- (3) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =
- i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК
 - ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК
ФУНКЦИЯ
ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ
 - iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ.

Центральным компонентом схемы (3) является предметный признак — характеристическое свойство референтов слова, прототипический образ отражает типичный вид референтов — носителей предметного признака, а родовой признак указывает на ближайший сверху таксон иерархии.

3. Лексическое значение слова *очки*. Для иллюстрации схемы (3) рассмотрим общее значение слова *очки*, включающее солнцезащитные и др. виды очков. Для этого сформулируем сначала общую функцию оптического прибора: ‘предназначен для усиления визуальных возможностей человека’. Она охватывает очки, лорнет, монокль, лупу, микроскоп, бинокль, телескоп и др. Эти приборы распадаются на три класса: лупа, микроскоп и др.; бинокль, телескоп и др. и, наконец, интересующий нас класс: очки, пенсне, контактные линзы, монокль (мы не относим сюда лорнет, поскольку он, подобно театральному биноклю, приближает изображение).

Определим родовую функцию этого класса. Обратимся к очкам. Толковые словари (СЛОВАРЬ УШАКОВА и БТС) указывают для них функцию ‘улучшение зрения или защита глаз’. Эта формулировка, на наш взгляд, неточна. Очки предназначены прежде всего для нормализации зрительного восприятия человека, оказавшегося в нестандартной ситуации: оптические очки корректируют изменившиеся возможности глаз (близорукость / дальновидность), приводя их к норме, солнцезащитные — позволяют нормально видеть при ярком свете, мотоциклетные — при сильном ветре, подводные — под водой, очки ночного видения — в темноте и т. д. Чисто защитных функций очки не выполняют. Если, к примеру, в солнцезащитных очках заменить прозрачные стекла непрозрачными, они перестанут быть очками.

Вторая особенность очков в том, что они прикреплены к голове человека и расположены перед его глазами так, что, перемещаясь и поворачивая голо-

ву, он может смотреть через них на окружающий мир, не будучи связанным ими (как микроскопом, телескопом или лорнетом, который нужно держать в руке и перемещать синхронно с поворотом головы).

Объединяя обе характеристики, получаем родовой признак для очков: ‘нормализовать зрительное восприятие человека в нестандартной для него ситуации, прикрепляясь к его голове и размещаясь перед его глазами’.

Специфика очков, отделяющая их от пенсне, монокля и контактных линз, приблизительно такова: ‘состоят из двух прозрачных пластин, соединенных вместе специальным приспособлением (оправой) и прикрепленных к голове специальными частями (дужками, лентой) так, что пластины располагаются перед глазами’.

Партитивная модель очков очевидна. В результате, следуя (3), получаем:

(3а) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

прибор, предназначенный для улучшения визуальных возможностей человека;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

очки нормализуют зрительное восприятие человека в нестандартной для него ситуации, прикрепляясь к его голове и размещаясь перед его глазами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

очки состоят из двух прозрачных **пластин**, нормализующих восприятие человека, **оправы**, соединяющей их в одной плоскости, и двух **дужек**, прикрепленных к **оправе** с боков и фиксирующих ее на голове; при использовании очков **оправа** опирается на переносицу человека и закрепляется посредством **дужек** за ушами; благодаря этому **пластины** устанавливаются перед его глазами и сохраняют это положение при перемещении человека и поворотах его головы (*надеть очки, быть в очках*); глядя сквозь них, человек нормально (лучше) видит перед собой;

iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

прототипы: {«оптический», «солнцезащитный», «мотоциклетный», ...}.

4. Партитивная модель предмета-референта. Поясним содержание и роль партитивной модели — центрального понятия статьи. Она прежде всего называет основные функциональные части очков (они подчеркнуты: пластины, оправка и дужки), которые непосредственно участвуют в обеспечении функции очков — нормализации зрительного восприятия человека, а вторых, объясняет, как эти части взаимодействуют. Тем самым, партитивная

модель явным образом описывает понимание очков носителем языка. Покажем, что без такого понимания носитель языка не может корректно употреблять слово *очки*.

Во-первых, партитивная модель обеспечивает правильное употребление генитивной группы *У X-а* применительно к предмету-референту «очки» (*X-у*) и его частям (*У*). Как мы покажем ниже, генитивная группа *У X-а* означает следующее: «физическая часть *У* предмета *X* является одной из его основных функциональных частей». Поэтому к основным частям очков (указанным в партитивной модели): оправе, стеклам и дужкам генитив применим — выражения *оправа очков, стекла очков, дужки очков* корректны, — тогда как другим (не основным) частям очков — нет. Например, к некоторым видам солнцезащитных очков фабричным образом прикрепляется наносник; становясь их физической частью, он не обретает какой-либо функции собственно очков, поэтому сочетание **наносник очков* затруднено³.

Ясно, что носитель языка не может заранее знать все случаи правильного отнесения генитивной группы *У X-а* к предмету *X* и его частям (*У*). Зная функцию предмета *X*, он всякий раз «вычисляет» роль той или иной его части *У* и применяет генитив лишь при условии, что она (часть *У*) несет одну из основных функций *X-а*. Например, прибавив ручку к двери, столяр не задумываясь скажет *Ручка двери держится крепко*, поскольку ручка несет важную функцию двери. Однако, прибавив к той же двери крючок, он не скажет **Крючок двери держится крепко*, поскольку крючок никакой функции двери не выполняет.

Во-вторых, партитивная модель референта часто выделяет среди его основных функциональных частей главную, которая во многих случаях по существу представляет весь предмет-референт. Для очков такой частью являются **пластины**. В самом деле, если запотели или запылились линзы очков, нормально сказать *очки запотели / запылились* или *протри очки* (хотя имеются в виду только стекла). Если разбилась даже одна линза, вполне можно сказать *очки разбились* (ими нельзя пользоваться), ср. также: *очки для близи / дали*. Нормально сказать *сильные, слабые, минусовые, плюсовые* или *солнцезащитные, зеркальные, дымчатые, темные очки*, характеризуя только их пластины. Если же мы хотим описать только их оправу (позолоченную, платиновую, темную), то сомнительно сказать **позолоченные / *платиновые /*

³ Звездочкой здесь и далее в статье помечаются выражения, которые, на наш взгляд, семантически ненормативны или небезупречны, т. е. не только явно некорректны, но и просто странно или сомнительно звучащие или шероховатые, употребление которых в том или ином семантическом плане затруднено. Градаций степени сомнительности выражений, помеченных звездочкой, не проводится.

**темные очки*, лучше: *оправа*, поскольку она — не главная часть очков и потому должна быть названа ⁴.

Очевидно, что важность пластин (линз) обусловлена тем, что именно они 'нормализуют зрительное восприятие человека'. Если они запотевают или разбились, эта функция элиминируется. Для стекол, которые в других предметах не несут столь важной функции, такого замещения ими всего предмета не происходит. К примеру, если запотело стекло фонарика или циферблата часов, плохо сказать **запотел фонарик*, или **запотели часы*, или **протри фонарик / часы* (в значении 'протри стекло фонарика / циферблата часов'). Аналогично, если разбилось стекло фонарика или циферблата часов (от легкого удара, при котором механизм часов заведомо не пострадал), неправильно было бы сказать **разбился фонарик / *разбились часы*. Подобным же образом, многие действия, в которых называются очки, относятся именно к их линзам: *взгляд из-под очков, поверх очков, вздевать очки на лоб*. Не понимая этого, человек не поймет и этих действий (их цели — смотреть не сквозь линзы, а мимо них).

Рассмотренный общий механизм позволяет иногда обнаруживать противоречия, скрытые даже от самого зоркого, но «невооруженного лингвистического глаза». В толковании слова *окно*, данном А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком ([ТКС 1984: 483]), в качестве одного из значений дается «1б. Подоконник ... *На окнах стояли горшки с геранью. — Слезь с окна, упадешь!*» (оно отмечено и в СЛОВАРЕ УШАКОВА). Этот пример явно противоречит только что сказанному, поскольку подоконник, с одной стороны, не является частью окна (ср. некорректность сочетания **подоконник окна*) и поэтому его функций выполнять не может, а с другой стороны, представляет окно как его главная часть. Направленный анализ легко объясняет это противоречие. Приведенные примеры корректны лишь при условии, что стоящие на подоконнике предметы закрывают проем окна, ср. некорректность высказываний **На окне лежала расческа / книга*. Стало быть, все правильно: репрезентантом окна является не подоконник, а проем (или стекло) — главная его часть. Когда он чем-то закрывается, об этом можно сообщить, называя проем окном, ср. *На окнах висели занавески* ⁵.

⁴ В словарной статье *очки* в ТКС, из которой мы берем многие примеры (она частично приводится ниже), указывается как нормальное сочетание *роговые очки*. Сейчас оно звучит более сомнительно, чем в 60-е годы, когда роговая оправа была также свидетельством определенного положения в обществе (дубленка, роговые очки ...).

⁵ Интроспективные наблюдения показывают: корректность / некорректность выражений мы «вычисляем», представляя (точнее, воссоздавая) их референты. Так, для определения корректности последних выражений мы должны понять, закрывают референты проем окна или нет.

Замечание. Интересно сравнить описание (За) с толкованием А. К. Жолковского и И. А. Мельчука вокабулы *очки* ([ТКС 1984] (мы приводим лишь относящиеся к обсуждаемой теме фрагменты):

«1. *Очки X-a* = устройство, (а) являющееся оптическим прибором и применяемое X-ом для компенсации недостатков зрения X-a или (б) применяемое X-ом для защиты глаз X-a, — прозрачный материал, преимущественно в виде двух соединенных пластин, установленный перед глазами для того, чтобы смотреть сквозь него, посредством прикрепления к голове за плоскостью лица [обычно к ушам, иногда к затылку и т. п.]. <...>

Строение очков. Очки обычно состоят из двух *стекел*, <линз>, *оправы* и *дужек* <оглобель, заушиков>; защитные очки ... бывают с одним сплошным стеклом» (с. 554—557).

Раздел «Строение очков» отнесен в конец словарной статьи, к энциклопедической информации. Поэтому две взаимосвязанные части толкования, образующие предметный признак очков: а) их функция и б) их строение (партитивная модель), оказались оторванными друг от друга, ввиду чего утрачена возможность отразить состав и функциональный статус основных частей очков, выделить среди них главную часть (пластины) и пр.

5. Предметные признаки референтов слов *забор* и *ограда*. Чтобы проиллюстрировать семантическую полезность введенных понятий, сопоставим квазисинонимы *забор* и *ограда*. Обратимся сначала к работе [РАХИЛИНА 1991: 154]:

забор вокруг X-a = ‘сооружение по периметру участка X, созданное с целью препятствовать проникновению постороннего человека на этот участок земли’;

1. Части: *калитка* (в *заборе*) — приспособление для входа и выхода ...; ворота ... предназначаются для скота и машин (сочетания [?]*ворота забора* / в *заборе* затруднены).
2. Обычный способ строительства: вертикально расположенные одинаковые деревянные доски скреплены друг с другом ... Устойчивость забора обеспечивается врытыми в землю опорными столбами ...;
3. Форма: забор имеет вертикальную внутреннюю поверхность ...;
4. Размер: высота забора обычно сравнима с ростом человека;
5. Обычный материал изготовления: дерево ...

Выделяя такие части забора, как «калитка» и «ворота», автор верно подмечает важный факт: сомнительность сочетания [?]*ворота забора*. Заметим, что еще более неожиданной выглядит некорректность сочетания **калитка забора*. В соответствии с логикой наших рассуждений это означает, что ни *калитка*, ни *ворота* не относятся к партитивной модели забора. Не составляет труда понять почему: забор не обязательно полностью окружает участок. Он вполне может стоять только на границе двух соседних участков, отгораживая

один от другого, ср. такое объяснение соседу: *Твоя собака забегала на мой участок и пугала детей, вот я и соорудил этот забор между нами.*

Данный компонент значения ('отделение данного участка от другого') был отмечен 12 лет спустя в толковании Е. В. Урысон [НОСС 2003: 104]:

Забор, ограда 1, изгородь 'сооружение, представляющее собой укрепленные в земле на небольшом расстоянии друг от друга доски, щиты или подобные предметы, стоящие вертикально и окружающие какой-либо участок земли или отделяющие его от другого участка, которое предназначено для того, чтобы препятствовать входу на данный участок постороннего человека или животного'.

Учет этого компонента делает функцию забора несколько иной: 'препятствовать проникновению постороннего человека или животного на данный участок земли с одной или нескольких (но не обязательно со всех) сторон'. Поэтому калитка и ворота вовсе не обязательны для него. Конечно, забор может полностью огораживать участок и иметь калитку и ворота, но это уже его факультативная функция. Заметим также, что забор является самостоятельным строением, а не частью огораживаемого им участка (ср. некорректность выражения *забор участка).

Функцию забора реализуют следующие две его части: столбы, укрепленные в земле, и доски, щиты (секции) или сетка, прикрепленные к столбам и являющие собой физическое препятствие для проникновения на участок извне, ср. *столбы / доски (сетка) забора*. В результате получаем следующую формулировку предметного признака забора:

(4) *Забор* (ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ) =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

самостоятельное сооружение, представляющее собой физическое препятствие для проникновения постороннего человека на участок с одной или нескольких его сторон

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

забор состоит из столбов, установленных и укрепленных в земле на границе участка на некотором расстоянии друг от друга, и досок, или металлической сетки, или плоских щитов, которые прикреплены к столбам и благодаря этому представляют собой физическое препятствие для проникновения на участок человека или животного.

Партитивная модель, явно называя основные функциональные части забора, обеспечивающие реализацию его функции, сообщает тем самым как о корректности выражений *столбы / доски / щиты / сетка забора*, так и о некорректности иных сочетаний с генитивом типа *звонки / *колючая проволока /

**сторожевые вышки забора* (о гвоздях, которыми прибиты доски, о колючей проволоке как дополнительной преграде, о сторожевых вышках для охраны). Она также объясняет, как взаимодействуют части забора, т. е. отражает «понимание» забора носителем языка.

Главным элементом забора является та его часть, которая создает препятствие. Так, во фразах типа *Проломили / сломали / изрисовали забор* речь идет о досках или щитах забора. Если же, скажем, злоумышленники подпилили столбы забора, плохо сказать, что они **подпилили забор*.

Отсутствие ориентации на партитивную модель референта не позволяет лексикографу установить связь между его частями и функцией, а следовательно, выявить значимые его части. Так, в словарной статье Е. В. Рахилиной в разделе «Части забора» названы и описаны «калитка» и «ворота», в действительности, не входящие в его модель. И напротив, входящие в нее «опорные столбы» и «деревянные доски» фигурируют в разделе «Способ строительства». Не проводится данного различия и в описании Е. В. Урысон:

Прототипический **забор** состоит из досок одинакового размера и поставленных б л и з к о или вплотную друг к другу (...) для того, чтобы через него нельзя было перелезть, на него сверху иногда натягивают колючую проволоку, утыкают его гвоздями (...) в **заборе** обычно делают к а л и т к у; в **заборе** возможны также в о р о т а для транспорта или скота ... (там же, с. 104; выделено автором).

Обратимся теперь к ограде. Для нее калитка — уже одна из основных частей, ср. *Калитка могильной ограды покосилась*. И связано это с иной ролью ограды: полностью окружать свою территорию, ср. некорректность фразы с меной забора на ограду: *Твоя собака забегала на мой участок и пугала детей, вот я и соорудил эту *ограду между нами*. Следовательно калитка входит одной из основных частей в партитивную модель ограды.

Е. В. Урысон, верно подмечая, что у слова *ограда* «валентность со значением объекта может заполняться ... существительным в форме РОД., ср. *ограды могил (окрашены), ограда Летнего сада*», далее пишет: «Данные сочетания лексикализованы; плохо ^{??}*ограда особняка (сада) ...*» (там же, с. 106). Из первой части цитаты следует (согласно нашей логике), что ограда является не самостоятельным сооружением, как забор, а функциональной (пограничной) частью ограждаемой территории (могилы / Летнего сада), т. е. принадлежит ей.

Подчеркнем: ограда окружает уже не просто участок земли, а небольшую единую территорию, отделенную от соседних земель своим особым назначением, запрещающим свободный доступ на нее посторонним людям. Сказанное позволяет уяснить суть лексикализованности, упомянутой во второй части цитаты. Некорректность выражений **ограда особняка / *сада* обусловле-

на, на наш взгляд, тем, что в отличие от слов *могила* / *Летний сад* в словах *особняк* и *сад* компонент 'выделенная своим назначением территория' гораздо менее выражен: у особняка не предполагается прилегающей территории (в отличие, скажем, от виллы, у которой она есть, ср. *ограда виллы*), а сад, вообще говоря, может и не выделяться из окружающей территории.

Е. В. Урысон справедливо отмечает, что металлическая ограда «обычно состоит из относительно небольших ... составных частей, между которыми возможны достаточно большие промежутки» и ее высота «может быть ... гораздо меньше человеческого роста, причем ограда вокруг могилы или памятника в норме существенно ниже человека» (там же). Стало быть, назначение ограды не в том, «чтобы препятствовать входу на данный участок постороннего человека или животного». Ее назначение в ином: служить информирующим и запрещающим знаком или, точнее, 'быть материальным указателем (манифестантом) пограничной и запретной линии, опоясывающей небольшую целостную территорию, на которую свободный вход посторонним воспрещен'⁶. Поэтому у ограды и не предполагается обязательных столбов, обеспечивающих забору качество физического препятствия, ср. сомнительность выражения **столбы ограды*⁷. Кроме калитки, ограда состоит из какого-либо вертикально стоящего материала: *кирпичная кладка* / *решетка* / *железные прутья ограды*. Конечно, ограда может служить и физическим препятствием (каменная ограда), но это ее сопутствующая, дополнительная функция, подобная дополнительной функции забора полностью огораживать участок. Сформулируем теперь предметный признак ограды:

(4а) *Ограда* (ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ) =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

пограничная часть небольшой целостной территории, служащая материальным указателем (манифестантом) а) ее границы и б) запрета входить на эту территорию постороннему человеку;

⁶ Ср. трактовку анализируемого понятия в рамках народно-мифологических представлений: «Огораживать — окружать пространство оградой, как реальной, так и символической, для защиты его от опасности ...» [СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ, III: 522].

⁷ Кто-то может сказать, что выражение *столбы ограды* вполне корректно. Подобные расхождения нередки. В данном же случае они носят внеязыковой характер. Значение генитивной группы, подвергнутое разностороннему анализу в п. 2, кажется нам неизменным. Однако трактовка функции ограды может варьировать. Так, можно считать, что она служит и физическим препятствием для входа на ограждаемую территорию. В этом случае столбы становятся одной из ее основных частей. Сказанное означает, что причины расхождения в оценке корректности генитивных выражений лежат за пределами языковой семантики.

ПАРТИТИВНАЯ модель

ограда состоит из двух частей: калитки и кирпичной кладки, или железной решетки, или железных прутьев, укрепленных в земле по всей границе территории, для обозначения ее границы и запрета свободного входа на нее.

Партитивная модель указывает, что функцию ограды непосредственно реализует именно железная решетка (прутья, кладка). Она и является ее главной частью.

6. Цветок. Для иллюстрации описания живых организмов разберем в том же ключе предметный признак слова *цветок*. В СЛОВАРЕ УШАКОВА (а также в [МАС] и [БТС]) дается такое толкование: «Цветок 1. Часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками, и являющаяся органом размножения». Оно, как мы видим, описывает лишь частный вид — цветок, имеющий лепестки.

Для уяснения общей характеристики цветка рассмотрим его родовой признак. Цветок — это верхняя часть стебля (или побега) растения. Другие виды верхней части стебля растения — лист, плод (колос) и почка. Следовательно, родовой признак цветка — это ‘верхняя часть самостоятельного стебля растения’. Функцию, выделяющую цветок как специфический тип верхней части стебля, мы определим так: ‘своим целостным образом — внешним видом (формой, цветом, структурой), нежным материалом частей и запахом — вызывает у человека определенные эстетические чувства и в соответствии с этими чувствами используется’.

Обратимся теперь к функциональным частям цветка. У него есть чашечка, образованная раскрывшимся бутонем, и венчик — верхушка стебля, то, что цветет в чашечке и непосредственно вызывает эстетические впечатления. Наконец, чашечка имеет цветоножку — верхнюю часть стебля, на которой она сидит. Есть еще лепестки, но они имеются далеко не у всех цветов.

(5) *Цветок* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

верхняя часть самостоятельного стебля (или побега) растения;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

она своим целостным образом — внешним видом (формой, расцветкой, структурой), нежным материалом частей и запахом — вызывает у человека вполне определенные положительные эстетические чувства;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

цветок состоит из цветоножки (верхней части стебля), опирающейся на нее чашечки, и сидящего в ней венчика (верхушки цветка);

эстетические чувства вызывает **венчик** цветка в фазе его цветения; цветок растет и развивается, проходя три фазы: рост бутона, цветение **венчика** и увядание **венчика**; по стеблю (цветоножке) в бутон поступает жидкое питание, благодаря чему он растет (*набухает*) и раскрывается (*цветок зацветает* или *расцветает*), из бутона вырастает и некоторое время цветет **венчик** (*цветок расцвел* или *цветет*), который затем увядает и осыпается (*цветок отцветает* или *увядает*).

Объединения цветков на стебле называются соцветиями. Если цветки слишком малы и не воспринимаются как самостоятельные, такие соцветия называются ветками или метелками (сирень, мимоза).

Основные части цветка, взаимодействуя между собой, обеспечивают его функцию — цветение венчика, вызывающее у людей эстетические впечатления. Эти части корректно описываются генитивом: *цветоножка / стебель / чашечка / венчик цветка*. В то же время листья на цветоножке (или стебле) или корень не относятся к цветку и поэтому выражения **листья / *корень цветка* некорректны⁸.

В партитивной модели **венчик** цветка помечен как главный его элемент, и это понятно. Почти все употребления слова *цветок* относятся к венчику и связаны с ним: *цветок расцвел, увял, долго стоит* (не вянет); *цветок красивый, крупный, желтого цвета* и т. д. Выражение *На цветок села пчела* означает, что пчела села на венчик цветка, если же она села на его ножку, лучше сказать *На стебель цветка села пчела*.

Знания о том, что цветы растут и цветут благодаря потреблению извне жидкого питания, принадлежат наивной (а не научной) картине мира, ср. фразу *Цветы пьют много воды* (о цветах, стоящих в вазе с водой). Включение этих знаний в партитивную модель цветка делает осмысленными фразы типа *Поставь цветы в воду* (о срезанных цветах), *Нужно полить и подкормить цветы* (о садовых цветах).

Замечание. В информационном плане толкование (5) весьма близко к толкованию слова *flowers* из [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 256—257], однако структурно они существенно различаются. Откладывая до п. 4 более подробный анализ подхода А. Вежбицкой, отметим здесь лишь две его отличительные черты (в сравнении с нашей точкой зрения): 1) цветок характеризуется через последовательное описание его атрибутов (а не частей и их взаимодействия), и 2) не проводится строгого разграничения между собственно языковой информацией — характеристической и прототипической (визуальной и прочей) и энциклопедической информацией о цветке.

⁸ Цветком также называют целое растение, дающее цветы, а не только его верхнюю часть — стебель с венчиком. В этом случае к частям цветка относятся также листья и корень, и выражения *листья / корень цветка* становятся корректными.

7. Предметные признаки подвидов цветка. Перейдем от цветка к его подвидам: розе, ромашке и др. Естественно спросить, почему они получили отдельные предметные имена, хотя различаются вроде бы незначительно — строением венчика (расположенных по кругу лепестков), многоярусного у розы и одноярусного у ромашки. Ответ, как нам кажется, в следующем: каждый из подвидов цветка задает свой особый тип структуры венчика, значимый в эстетическом плане, т. е. свой предметный признак (свою модель цветка, несущую особую эстетическую функцию). Виды цветов, образуя все более детализированные модели, детализируют и эстетическое впечатление. Так, если листья на стебле цветка под чашечкой не являются его частью (**листья цветка*), то *шипы розы* уже являются частью розы. Они — элемент ее эстетического воздействия⁹.

Это же верно и для нижеследующего уровня иерархии — сортов розы¹⁰. Модельные вариации их венчиков эстетически значимы. Они по-разному конкретизируются для каждого сорта розы: более детализированная модель задает более прихотливую эстетическую функцию¹¹.

⁹ Класс референтов (таксон) слова *цветок* дает пример нарушения древовидной структуры предметной классификации. Он составляется объединением верхней части стеблей трех разных «ветвей» классификации: деревьев, кустарников и трав, и образует начало (вершину) новой древовидной структуры — «куста», который продолжается подвидами цветов (роза, ромашка и др.) и сортами подвидов. Специфика «куста» в том, что партитивные модели его нижних таксонов наследуют партитивную модель вершины, лишь детализируя ее.

¹⁰ Сорта розы описываются пятью основными характеристиками венчика: степенью махровости (простой венчик имеет менее 8 лепестков, полумахровый — от 8 до 20 лепестков, умеренно махровый — от 21 до 30, густомахровый 40 и более), окраской (одноцветный, двухцветный, многоцветный, смешанный, полосатый и расписной), формой (плоский, шаровидный, чашевидный, помпонный и др.), душистостью (слабая, средняя и сильная), размером (мелкий, средний, крупный) и формой лепестка (волнистая, зубчатая и др.) см. [ХЕССАЙОН 2003: 5]. Как мы видим, градации каждой характеристики качественные, а стало быть, и сорт, определяемый их совокупностью, становится эстетически самостоятельной структурой (правда, уже не частей цветка, а их параметров). Заметим, что везде в [ХЕССАЙОН 2003] речь идет о классификации цветков, хотя почти все характеристики относятся к его венчику (венчик замещает цветок).

¹¹ Если сравнить классификацию розы, задаваемую существительными, с классификацией, задаваемой прилагательными: плетистая (вьется по ограде), почвопокровная (стебли на земле), кустарниковая; полевые, садовые цветы и пр., то можно заметить, что последние характеризуют не структуру, а лишь какое-то одно свойство. При этом оно тоже может отражать эстетическую функцию — *красивая, душистая роза* и под.

Замечание. Мы определили класс ‘цветок’ как ‘≈ верхушки стебля растения, несущие для человека определенную эстетическую функцию’. Но можно сказать и иначе: ‘цветок — это определенная эстетическая функция, отождествляющая некоторые (цветные) верхушки растений’. Эта формулировка позволяет усмотреть полную структурную аналогию в дефинициях цветка и фонемы, ср.: ‘фонема — это определенная позиция в слове, отождествляющая чередующиеся в ней звуки’.

Для цветка, в соответствии с (1) и (2) получим:

(5а) *Цветок* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) = ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК: определенная эстетическая функция, отождествляющая цветные верхушки растений + ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: набор типичных образов {«роза», «ромашка», «гвоздика», ...}.

Если, следуя [ПАНОВ 1979: 108], добавить к определению фонемы ее типичные звуки, то возникнет полный изоморфизм между структурой лексического значения (5а) и структурой фонемы (5б):

(5б) *С* (ФОНЕМА) = ЗВУКОВОЙ ПРИЗНАК: определенная позиция в слове, отождествляющая чередующиеся в ней звуки + ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: набор типичных звуков {[с], [з], ...}¹².

При этом совпадают и роли компонентов. Признак (предметный / звуковой) по своей природе — относительный, а по своему статусу — обязательный. Он задает весь класс референтов знака (верхушек растений для слова *цветок* и чередующихся звуков для фонемы *С*), от типичных, до самых экзотических. Прототипический образ, напротив, не обязателен, поскольку фиксирует только типичные свойства, но они качественные, не зависящие от той или иной классификации. Он нагляден (легко представим или воспроизводим).

8. К определению предмета. Слышится вопрос: ну а каковы, к примеру, структура частей и функция камня (булыжника)? Для ответа на него наметим определение предмета. Условимся называть область физического пространства субстанциальной, если она доступна визуальному восприятию человека и обладает для него осязаемой, тактильно воспринимаемой массой. Например, клубы дыма или паутинка не обладают такой массой, а лужа или трава — обладают. Будем называть *партитивной моделью предмета* ограниченную субстанциальную область пространства, у которой любые две ее соседние подобласти внутри границы (ее части) физически связаны между собой, а любые две соседние подобласти по разные стороны ее границы физически не связаны. (Физическую связанность в первом приближении можно

¹² В общем плане соотношенность двух систем элементов разной природы (подобная цветам / звукам и их характеристическим признакам) обсуждается в [НИКОЛАЕВА 2000], где первая система названа эмпирической, а вторая («вслед за Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном») — валоризованной. Последняя «с первой системой “соотносится”, но ее единицы не являются прямым обобщением по отношению к единицам первой системы, то есть не связываются с ними родовидовыми отношениями, как бы эти единицы ни назывались» (с. 13).

трактовать так: если двигать данную субстанциальную часть, то вместе с ней будут двигаться и ее соседние части.) Возникающая ограниченная совокупность связанных частей субстанциальной области (ее партитивная модель) получает функциональную характеристику носителя языка: 'целостность, единство' и становится предметом. К примеру, две любые соседние части лужи или кучи рыхлого снега не связаны между собой, поэтому лужа и куча снега не предметы; а соседние части льдинки, плавающей в луже, или снежного кома связаны, поэтому льдинка, снежный ком — предметы.

У предмета есть еще одно свойство: он легко и целиком воспринимается человеком. Иначе говоря, предмет не может быть слишком маленьким (крошка, пушинка не относятся к предметам) или слишком большим (планета Земля также предметом не является). Это и понятно: с одной стороны, его части не должны быть слишком малы, чтобы можно было приписать им связность, а с другой, они не должны быть слишком велики (или их не должно быть слишком много), чтобы человек мог охватить взглядом их все и приписать им функцию 'единство, целостность'.

К предметам относится и растущее из земли дерево. Все его элементы (от корней до листьев) физически связаны между собой и физически отделены от земли, с которой корни находятся лишь в (тесном) контакте. Поэтому дерево обладает единством независимо от того, живое оно или засохшее. В плане сказанного и камень, и роза, и собака — предметы.

Подытожим проделанные рассуждения формулировкой предметного признака для предметов.

(6) *Предмет* =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

ограниченная субстанциальная область пространства, легко охватываемая взглядом и обладающая единством, целостностью,

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

такая, что любые две ее соседние подобласти внутри границы (ее части) физически связаны между собой, а любые соседние подобласти по разные стороны этой границы физически не связаны.

9. Что такое «референт существительного»? Теперь мы можем более развернуто ответить на вопрос о том, что же представляет собой референт предметного существительного, к примеру, *цветок*. Его лексическое значение (5а) позволяет ответить так: это субстанциальный образ, который, во-первых, обладает предметным признаком 'цветная верхушка стебля, несущая для человека определенную положительную эстетическую функцию', и, во-вторых, обычно внешне схож с одним из прототипических образов из (5а).

Для пояснения сказанного представим субстанциальный образ розы, например, сорта Ice Scream. Называя этот образ разными именами: *предмет*, *организм*, *растение*, *цветок*, *роза*, *Ice Scream*, говорящий выделяет в нем разные предметные признаки: предмета (6), организма ((18), см. п. 7.1), растения ((19), см. п. 7.2), цветка (5). Каждая такая пара «субстанциальный образ — его конкретные свойства, соответствующие предметному признаку лексического значения имени» и конституирует референт имени.

Находясь внизу иерархии ‘предмет’ → ‘организм’ → ‘растение’ → ‘цветок’ → ‘роза’ → ‘Ice Scream’, референт имени *роза* наследует все вышестоящие предметные признаки в том смысле, что субстанциальный образ «роза» заведомо все их содержит. К примеру, искусственная роза своим внешним видом, искусственным запахом, нежностью лепестков и прочим вполне соответствует естественной, но, будучи рукотворным предметом, она не является ни организмом, ни растением, и поэтому ее субстанциальный образ не будет референтом существительного *роза*.

Наследование субстанциальными образами «роза», «ромашка», «георгин» и др. (вышестоящего) предметного признака цветка и задается отношением иерархического включения «→», связывающим родовой класс образов предметов со своими (нижестоящими) видовыми подклассами образов. В результате отдельные классы референтов предметных существительных объединяются в единую таксономическую структуру (наивную предметную классификацию), которая становится для носителя языка хранилищем детальной информации о предметных признаках классов референтов существительных.

Замечание. Наивная предметная таксономия содержит наряду с поименованными классами предметов (референтов существительных) и такие (как правило, общие) классы, которые не имеют персонального предметного имени, например, обсуждавшийся выше класс оптических приборов, нормализующих зрение: очки, пенсне, монокль, контактные линзы. Можно предположить, что поименованными оказываются прежде всего те классы предметов, к которым носители языка чаще обращаются в своих высказываниях.

2. Партитивная структура предметов-референтов

1. Приименная генитивная конструкция *У X-a*. Выделение у предмета *X* его частей *У*, *Z* и др. не вызывает у носителя языка никаких трудностей¹³. Для описания того факта, что *У* является частью предмета *X*, обычно используется конструкция с приименным родительным падежом *У X-a* (см. [ЯКОБ-

¹³ Здесь и далее слово *предмет* употребляется как в значении ‘вещь’, так и в значении ‘референт’ или ‘предмет-референт’.

сон 1985: 149], [КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ 1989: 45, 67]), в которой *Y* и *X* — предметные существительные: *стена (Y) дома (X-а), носик чайника, голова Ивана*. Принято считать, что в этих случаях генитив выражает отношение ‘часть — целое: *Y* является частью *X-а*’, см., например, [РАХИЛИНА 2000: 37, 39], ср. также описание в [ЛЯШЕВСКАЯ 2004]: «... части тела (*руки, глаза, пальцы*) и части артефактов (*зубы плоскогубцев, линзы очков, клавиши пишущей машинки*)» (с. 61; курсив автора).

Простой анализ, однако, показывает, что такая трактовка нуждается в уточнении: почему-то, в отличие от линз и клавиш — частей очков и пишущей машинки, о руках, пальцах — частях тела нельзя сказать **руки тела* или **пальцы тела*. Аналогично, вполне нормально сказать *ручка двери*, но плохо **глазок двери*. Выражение *дверь дома* можно отнести только к наружной двери дома, но не к внутренней двери, ведущей, скажем, из коридора в кухню, хотя она также является частью дома.

Мы видим, что для употребления приименного генитива в группе *Y X-а* физической включенности *Y-а* в *X* недостаточно. Как мы покажем далее, употребление группы *Y X-а* (с предметными существительными *Y* и *X*) корректно лишь при условии, что *Y* несет одну из непосредственных частных функций *X-а*.

В самом деле, ручка выполняет прямую функцию двери — позволяет открывать и закрывать ее, в то же время вставленный в дверь глазок выполняет уже иную функцию, не связанную непосредственно с функцией двери: позволяет посмотреть, кто стоит снаружи. Поэтому выражение *ручка двери* корректно, а **глазок двери* — нет. Аналогично, входная дверь выполняет непосредственную функцию дома, а внутренняя дверь — нет, поэтому сказать *дверь дома* о входной двери можно, а, например, о кухонной нельзя. Заметим, что вполне допустимы выражения *дверь кухни / комнаты*, но сказать **дверь коридора* уже сомнительно (нужно: *коридорная дверь*), поскольку не вполне ясно, какую функцию коридора она выполняет (у коридора может и не быть двери).

Стена тоже выполняет непосредственную и очевидную функцию дома (*стена дома*), но вставленное в стену окно никакой функции стены не выполняет (**окно стены*). Оно, подобно стене, выполняет свою (уже другую) функцию дома (*окно дома*). О подпорке, поддерживающей покосившуюся стену сарая, нормально сказать *подпорка стены сарая*, признавая ее тем самым функциональной частью стены, но о прибитом к этой стене крючке для рабочей одежды так не скажешь: выражение **крючок стены сарая* аномально, поскольку крючок не несет функции стены. Выражения *крыльцо / подвал / чердак дома* по тем же причинам корректны, а сочетания **веранда* (пристроенная к дому) / **прихожая* / **погреб* / **балкон дома* — нет. *Подпорки*

дома сказать можно, а **отмостка дома* — нет, так же как и **гараж дома* (о встроенном в дом гараже).

Обратимся к функциональной структуре жилой комнаты. Сочетания *окна / дверь / потолок / пол / стены / углы / вентиляционная решетка комнаты* вполне корректны, но сочетания **балкон / *часы / *стол / *шкаф / *батареи / *люстра / *ковер комнаты* уже аномальны. Стало быть, эти референты Y-а (балкон, стол, люстра и др.), в отличие от предыдущих (окон, потолка, вентиляционной решетки), не выполняют непосредственных функций комнаты. Сказать **газовая плита / *рукомойник кухни* плохо, поскольку назначение кухни гораздо шире приготовления и принятия пищи в ней или мытья рук, но выражение *ванна нашей ванной комнаты* вполне приемлемо, ср. *Ванна нашей ванной комнаты удобнее, чем ванна во флигеле*.

Подчеркнем: некорректность употребления приименного генитива в группе *Y X-а* и, соответственно, функциональная независимость Y-а от X-а может означать одно из двух: либо Y функционально связан не с самим X-ом, а с какой-то его функциональной частью (плохо: **форточка дома, *пол дома*, но нормально: *форточка окна, пол комнаты*), либо Y вообще функционально независим от X-а и не связан ни с ним, ни с его частями. К примеру, балкон или антенна не зависят от дома. Плохо: **балкон дома, *балкон комнаты*, или **антенна дома / *антенна крыши*, но ср. *наружная антенна телевизора*.

2. Предмет-референт и его функциональные части. Несомненно, носитель языка не способен заучить все случаи распределения функций между предметом X и его частью Y. Откуда в таком случае он знает, когда можно, а когда нельзя употребить группу *Y X-а*? Та легкость и безошибочность, с которой он это делает, дает основание предполагать, что носитель языка каждый раз произвольно и неосознанно «вычисляет» подходящий предметный признак нового воспринятого им предмета — его функцию и партитивную структуру. В результате новый предмет (его образ и признак) оказывается в той или иной ячейке наивной предметной иерархии носителя языка.

Функциональное отношение между предметом X и физически связанным с ним (меньшим) предметом Y возникает (и конституирует самостоятельность Y-а или его подчиненность X-у) еще на этапе их восприятия носителем языка и включения в свою таксономию. Например, прибил человек ручку к двери или вставил в нее глазок — и в его текущем представлении этой двери сразу же возникли отношения: ‘ручка стала функциональной частью двери (функционально подчинена ей)’ и ‘глазок сохранил функциональную самостоятельность — функционально независим от двери’, причем совершенно безотносительно к его желанию высказываться по поводу новых предметов и их отношений. Если же такое желание возникло, нужные отношения уже

сформированы и «готовы» для языковой референции: выражение *ручка двери* корректно, а **глазок двери* — нет¹⁴.

Поэтому ребенок, научившись «правильно» — в соответствии с общими признаками, значимыми для усваиваемой им наивной картины мира, классифицировать окружающие его предметы и уяснив значение рассматриваемого варианта генитивной группы *У X-а*, начинает с определенного возраста самостоятельно понимать, что выражения *дверца / ящик письменного стола* правильны, а выражения **стул / *книга / *ключ письменного стола* неправильны, даже если они называют стул, постоянно стоящий у стола, ключ от его дверцы или книгу, лежащую в его ящике.

Иногда можно услышать мнение, что ребенок действует по аналогии. Его один раз поправили, указав, что, в отличие от выражения *сучок дерева*, выражение **гвоздь дерева* или **нижний гвоздь дерева* (о гвозде или гвоздях, вбитых в дерево) неправильно, и далее ребенок по аналогии отделяет правильные генитивные формы от неправильных. Этот распространенный аргумент, ничего не объясняя, создает лишь видимость ясности. И в данном случае он сомнителен, ведь в отличие от дверцы или ящика, выполняющих частные функции письменного стола, стул, книга и ключ никаких его непосредственных функций не выполняют. В то же время легко придумать предмет, в котором тот же (чужеродный) гвоздь будет его функциональной частью. Например, если вешалка представляет собой доску на петлях, в которую вбито несколько гвоздей в качестве крючков, вполне нормально сказать *левый гвоздь вешалки*. Не аналогия, а очевидная функциональная включенность гвоздя в предмет делает это выражение корректным.

3. Партигитивное значение генитива в группе *У X-а*. Итак, генитивная конструкция *У X-а*, отнесенная к предмету *X* и физически связанному с ним

¹⁴ Благодаря постоянной классифицирующей деятельности интеллекта носителя языка не только предметы, но и элементы ландшафта: река, гора, лес, и др. — оказываются в ячейках (таксонах) единой классификационной системы, т. е. становятся носителями соответствующих предметных признаков. Поэтому мы знаем их «функцию» и понимаем, что, к примеру, выражения *моря и океаны / леса и горы Земли; реки и долины / полезные ископаемые / атмосфера / зеленый покров Земли* корректны, поскольку их референты — непосредственные функциональные составляющие Земли, тогда как выражения **овраги / *речки / *рощи / *небоскребы / *нефтяные скважины / *угольные карьеры Земли*, напротив, некорректны; в то же время корректны выражения *овраги / речки / рощи нашей местности; небоскребы / нефтяные скважины / угольные карьеры Сибири* и т. д. Сходным образом мы понимаем (вычисляем), что для небольшого частного дома ближайший нижний уровень классификации его функциональных частей — комнаты (*комнаты дома*), а для многоквартирного дома — уже квартиры, а не комнаты (*квартиры небоскреба*, но не **комнаты небоскреба*).

предмету Y , корректна лишь при условии, что Y несет одну из непосредственных частных функций X -а. Тем самым генитив указывает, что Y это не только физическая, но и функциональная часть X -а. Иначе говоря, для группы YX -а (X и Y — предметные существительные, а предмет-референт Y является физической частью предмета-референта X) справедливо описание:

- (7) YX -а = ‘предмет Y осуществляет одну из основных частных функций предмета X — тех функций, которые в совокупности обеспечивают функцию X -а’¹⁵.

Пример. Функция вешалки — ‘обеспечивать возможность компактного расположения одежды в висячем положении’, крючок вешалки обеспечивает непосредственное (и частное) осуществление этой функции, а гвоздь, которым вешалка прибита к стене — нет. У него другая непосредственная функция — удерживать вешалку от падения. Поэтому выражение *крючок вешалки* корректно, а **гвоздь вешалки* нет.

Подчеркнем: значение, заданное дефиницией (7), обобщенно описывает различные конкретные отношения функциональной зависимости предметов Y и X , возникающие в предметной картине мира носителя языка. Крыша выполняет одну функцию дома, входная дверь — другую, а окно — третью. Однако все эти разные функции описываются одной и той же конструкцией: *крыша / дверь / окно дома*.

Из определения (7) следует, что генитивную группу YX -а можно использовать для выявления партитивной структуры предмета-референта X : все его части (Y), к которым генитив корректно применим (и только они), и образуют партитивную модель X -а.

4. Партитивная структура растения. Выше мы рассматривали генитивную группу YX -а только применительно к неорганическим предметам. Обратимся теперь к случаям, когда X — живой организм, например дерево. Легко убедиться, что его функциональную структуру носитель русского языка неосознанно трактует существенно иначе: он считает, что все его основные физические части — корни, ствол, ветки, листья и почки функционально относятся непосредственно к целому дереву. Об этом свидетельствует корректность выражений *ветви / корни / ствол дерева, листья / почки / крона дерева* и, напротив, некорректность выражений **ветви / *корни / *ствола, *листья / *почки веток*. Нельзя сказать **сучок ствола* или **сучок ветки, *ветка ствола* или **ветка макушки дерева, *почки ветки* или **почки макушки*.

¹⁵ Поскольку всякий предмет, воспринимаемый носителем языка, автоматически классифицируется им — относится к какой-то ячейке его предметной классификации, он обретает тем самым и свою функцию.

Стало быть, любая цельная часть Y живого организма X является непосредственной функциональной составляющей всего организма. Ниже мы убедимся в справедливости этого тезиса по отношению к человеку.

Заметим, что некоторые части дерева имеют двойное функциональное подчинение: *кора ствола и кора дерева, сердцевина ствола и сердцевина дерева*. Однако это не нарушает только что сформулированного общего вывода: кора, подчиняясь дереву, имеет также и местное функциональное подчинение.

Интересно отметить одно исключение из общего правила: с какого-то момента носитель языка начинает трактовать плоды дерева как функционально самостоятельные, «чужеродные» части дерева. Так, фраза *Завязи этой яблони хорошо взялись* корректна, но **Яблоки этой яблони уже созрели* (о яблоках, висящих на ветках) — уже нет. В то же время фраза *Яблоки этой яблони уже в корзинах (проданы)* вполне нормальна.

Отмеченная трактовка вполне объяснима, хотя и расходится с нашими наивными ожиданиями, согласно которым плоды и ягоды, растущие на дереве или кустарнике, являются его «родными» (функциональными) частями. Поэтому она иногда проходит мимо внимания исследователей. Ср. «Секрет исчисляемости орехов, ягод и бобов состоит в том, что они обозначают плоды как части растения, ср. *ягоды ежевики, бобы канавалии* [род фасоли] ...» ([ЛЯШЕВСКАЯ 2004: 237]; выделено автором). В соответствии с вышесказанным эти выражения вовсе не указывают здесь на отношение «часть — целое» между ягодами и ежевикой (кустом), бобами и канавалией, поскольку выражения *ягоды ежевики, бобы канавалии* корректны лишь при условии, что плоды уже собраны и отделены от кустов. Если же они еще зреют на кусте, т. е. физически связаны с ним, эти выражения некорректны.

Все чужеродные элементы, физически связанные с деревом (гнездо птицы, прибитые к дереву скворечник или баскетбольное кольцо, привязанная к его стволу веревка и пр.), трактуются носителем языка как самостоятельные, функционально не связанные с ним, ср. некорректность выражений **гнездо / *скворечник / *баскетбольное кольцо дерева, *веревка / *качели дерева*.

Зададимся вопросом: является ли дерево, растущее из земли и физически связанное с ней, независимым от нее, функционально самостоятельным предметом (организмом), или же оно часть (Y) этой земли (X -а)? Некорректность выражений **дерево земли / *холма / *вершины утеса* свидетельствует о том, что носитель языка трактует дерево как самостоятельный организм.

5. Партитивная структура животного и человека. Остановимся теперь на функциональной структуре человека и его тела. Покажем, что в плане тотальных взаимосвязей частей с целым она подобна структуре дерева.

В монографии [РАХИЛИНА 2000] дан подробный анализ употреблений генитивной конструкции $Y X$ -а применительно к частям тела человека. Пояс-

ним кратко суть предлагаемого подхода. По мнению автора, выражения типа *пальцы левой руки, пятка правой ноги* корректны, поскольку имеется другое, альтернативное целое X, которому принадлежит Y (правая рука для пальцев, левая нога для пятки). Если же такой альтернативы у Y-а нет, то употребление генитива некорректно, ср.: **руки тела / *пятки ног, *пупок живота*: «...нельзя сказать **ухо головы*, так как ухо ничего другого не часть, точно так же как пупок есть только на животе, пятки — только на ногах и т. д.» (с. 39—40).

Это объяснение соответствует большинству употреблений генитива в отношении частей тела, однако многие употребления им все же не охватываются. Например, выражение **ногти рук* некорректно, хотя имеется альтернатива — ногти на ногах. Аналогично некорректно выражение **волосы головы* (альтернатива: волосы на груди, на ногах).

В процессе детального анализа подобных употреблений автор рассматривает также и исключения из своего правила: корректность выражения *кисти рук* (хотя кисти есть только у рук), некорректность выражения **пальцы правой ступни* (при том, что пальцы есть и на левой ступне), допустимость выражения *кожа рук* (при недопустимости **кожа правого бока*) и др., предлагая в каждом случае частное объяснение возникающему несоответствию.

Вместе с тем предложенный нами критерий (7) дает, как кажется, единообразное объяснение этим и другим случаям. В самом деле, выражение **ногти рук* некорректно, поскольку ногти не выполняют непосредственной функции рук, но выполняют функцию пальцев (*ногти пальцев*). В то же время у орла или тигра когти выполняют непосредственную функцию лап, поэтому выражения *когти орлиных / тигриных лап* корректны, ср. также корректные фразы *Когти лап подрезаны, Так иногда лукавый кот <...> Разинет когти хитрых лап* (Пушкин. Граф Нулин) и некорректную фразу **Ногти рук подстрижены*. Кисти рук, напротив, выполняют очевидную функцию рук, поэтому выражение *кисти рук* корректно.

Аналогично, недопустимость (или сомнительность) выражения **пальцы правой ступни* обусловлена тем, что, в отличие от пальцев, скажем, правой кисти, очевидным образом управляемых кистью и выполняющих ее функцию (*пальцы правой кисти*), пальцы ноги человека слабо управляются ступней и не выполняют ее функций (**пальцы правой ступни*). Они выполняют толчковую функцию ноги и поэтому выражение *пальцы ноги* корректно. Подошва и пятка, напротив, выполняют непосредственные функции ступни, поэтому выражения *пятка / подошва ступни* вполне приемлемы. Выражение *кожа рук* становится возможным лишь при условии, что кожа начинает выполнять какую-то особую функцию рук, например, отражать ухоженность, аристократичность женских рук, ср. *шелковистая кожа ее рук*. Если же идет речь о ру-

ках крестьянина или рабочего, о них следует сказать иначе: *огрубевшая кожа на его руках* (ср. некорректность выражения **огрубевшая кожа его рук*).

Наконец, на теле человека могут появляться чужеродные образования, не выполняющие никаких его функций, ср. **мозоль пятки*, **мозоль человека*.

Итак, подобно дереву, почти все части человеческого тела функционально подчинены непосредственно человеку, а не его телу, ср.: *тело / голова / руки / ноги / глаза / уши / бок / кожа человека*. В ряде случаев имеет место двойное функциональное подчинение: *кисти человека* и *кисти его рук*, *ногти человека* и *ногти его пальцев* и под.

По аналогии с плодами растений человеческий плод не признается функциональной частью вынашивающей его женщины, ср. некорректность выражений **плод женщины / матери*, можно лишь: *плод* или *материнский плод*. Здесь ситуация еще более очевидная. Если завязь до некоторых пор считается функциональной частью дерева, ср. допустимость выражения *завязи яблони*, то человеческий зародыш сразу трактуется как функционально самостоятельный, ср. некорректность выражения **зародыш матери*, нужно: *материнский зародыш* или просто *зародыш*. Выражение *ребенок матери* возможно лишь в отношении уже родившегося и физически отделившегося от матери ребенка. Будучи отнесенным к ребенку в период его внутриутробного развития, оно становится аномальным.

Как мы могли убедиться выше, язык не отождествляет человека с его телом. Корректность выражения *тело человека* свидетельствует о том, что носитель языка приписывает человеку, помимо материальной, осуществляемой телом, еще какую-то непосредственную функцию. Можно предположить, что эта функция отводится душе (*душа человека*, *тело и душа человека*), которая, судя по языковым данным, приводимым Е. В. Урысон ([НОСС 1997: 89, 90 (примечание)], локализована в теле человека, ср. *Прощание с телом покойного*.

3. Функционирование схемы лексического значения в акте коммуникации

1. О коммуникативной функции языка. Попробуем описать роль лексического значения в акте языковой коммуникации.

Предположим, мы услышали обрывок фразы *Секретарша резко повернулась на стуле к открывающейся двери*. Не зная ничего об описываемой ситуации, только на основе услышанных слов, мы вполне ясно, и главное, конкретно ее представляем: секретарша сидела на крутящемся (офисном) стуле, а затем быстро повернулась вместе с сиденьем к открывающейся двери. Для нас это настолько привычная операция (представить реальную ситуацию по услышанной фразе), что мы даже не осознаем ее нетривиальности: говорящий,

видя некоторую реальную ситуацию, описывает (кодирует) ее языковым высказыванием (последовательностью звуков), а слушающий, не видя этой ситуации, по услышанным звукам реконструирует в своем сознании если не ее, то ситуацию типологически очень похожую, причем в конкретных чертах.

Подчеркнем: коммуникативный эффект заключается именно в том, что слушающий в итоге представляет (воссоздает) вполне конкретную ситуацию, которую называет или могла бы назвать услышанная фраза. Только в этом случае он по-настоящему понимает говорящего и может делать из услышанного свои выводы. Когда же он улавливает только общий смысл, коммуникативный эффект резко снижается. Если, к примеру, нам кто-то объясняет дорогу и мы по этому объяснению построили в голове конкретную схему поворотов и переходов, то мы поняли говорящего (коммуникация успешна). Если же мы лишь осмыслили, что речь шла о поворотах налево и направо и о переходах через какие-то дороги, но точно представили (воссоздали) лишь некоторые из них, коммуникативный эффект заметно ослабляется.

Имея это в виду, зададимся вопросом: отвечает ли очерченной выше задаче речевой коммуникации предложенные нами дефиниции (1), (2), (5а) лексического значения существительного?

Для ответа на него обратимся к слову *стул*. Его лексическое значение имеет вид (см. п. 5.1):

(8) *Стул* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

рукотворный предмет, обеспечивающий одному человеку пассивное сидячее положение

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

следующего вида: сидалище имеет горизонтальную опору, спина — вертикальную с легким отклонением назад, ноги опираются на пол;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

стул состоит из горизонтального сиденья, на котором человек сидит; снизу к сиденью присоединены ножки (или одна ножка), поддерживающие его на нужной высоте (чтобы ступни ног сидящего человека могли опираться на пол); сверху к сиденью присоединена спинка — опора для его спины;

iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

прототипы {«советский стул на четырех ножках», «офисный стул на одной ножке», ...}.

Напомним роль каждого компонента. Родовой признак задает место класса референтов (таксона) в предметной иерархии.

Предметный признак имеет относительную природу и является чисто языковым в том смысле, что принадлежит лексической системе языка. Он одинаков у всех носителей языка, усваивается ребенком при обучении языку и далее функционирует в его сознании без изменений, независимо от его языковой практики. Главное его назначение — охарактеризовать весь класс (потенциальных) референтов лексемы.

Прототипический образ формируется каждым носителем языка индивидуально. Так, в процессе многочисленных референций слова *стул* к реальным стульям (соотнесений с ними предметного признака) в языковой памяти ребенка откладываются наиболее типичные образы каждого его под-вида: «офисных», «советских», «детских» и др. стульев. Такие «отстоявшиеся» прототипические образы хранятся в языковом сознании ребенка и отражают его личный языковой (референциальный) и бытовой опыт.

В силу своего генезиса, прототипический образ референтов слова может заметно различаться у разных людей. Например, один носитель языка постоянно пользовался офисными стульями и поэтому у него этот прототип представлен весьма хорошо, а другой их никогда не видел, и потому у него вообще нет этого прототипа.

В таксономической ячейке иерархической структуры хранятся конкретные образы стульев, встретившиеся и запомнившиеся носителю языка (можно предположить: в виде динамических картинок с центральным элементом — стулом, и ситуациями, в которых он находился и использовался). Все эти стулья соответствуют предметному признаку. Большинство из них соответствует и прототипическому образу. Вместе с тем, в ячейке могут находиться и нетипичные образы, не отвечающие ни одному из прототипов.

Из сказанного заключаем, что семантическая схема предметного существительного имеет вид (на примере слова *стул*):

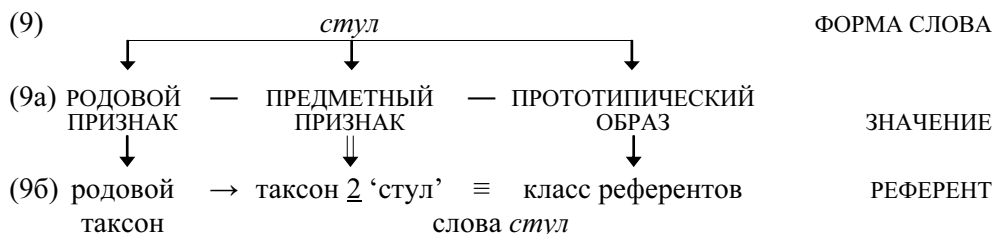

Схема предметного существительного включает три элемента (они названы в правом столбце): форма слова, значение и референт. Ее центральный элемент — лексическое значение — содержит трехстороннее описание класса референтов слова *стул* (таксона 2 'стул' в предметной таксономии, см. рис. 1). Предметный признак представляет собой точную дефиницию рефе-

рентов (это отражает двойная стрелка), прототипический образ описывает их типичный внешний вид (вид субстанциальных образов стула). Наконец, родовой признак отсылает к ближайшему (сверху) классу предметной таксономии, включающему данный класс референтов. Тем самым сообщается информация о том, что референты слова *стул* (их субстанциальные образы) наследуют все вышестоящие предметные признаки: предмета, артефакта и др. (это задается отношением иерархического включения «→»).

Схема (9) структурно изоморфна семантической схеме знака Огдена — Ричардса: Форма слова — Значение (понятие) — Референт (см., например, [Лайонз 1978: 428]). Однако различия в содержании элементов существенны: в (9) значение (понятие) представлено тремя самостоятельными компонентами, каждый из которых дает свое описание класса референтов слова, а класс референтов понимается не просто как некоторое множество предметов действительности, а как таксон предметной иерархии — подструктуры наивной картины мира носителя языка.

Покажем теперь, как схема (9) используется носителем языка при решении обсуждавшейся выше коммуникативной задачи: передать посредством языкового кода конкретный образ референта от говорящего к слушающему. Отметим еще, что едва ли не важнейшим информационным компонентом, обеспечивающим ее решение, является единая для говорящего и слушающего наивная предметная таксономия, к которой они в процессе коммуникации обращаются посредством слов.

1) К о д и р о в а н и е (называние) словом воспринятого предмета. Представим себе говорящего, пожелавшего назвать (закодировать) какой-то воспринятый им предмет. В его сознании моментально активизируется процедура распознавания предмета — поиск подходящих прототипов, соответствующих его внешнему виду. Например, если воспринятый предмет похож на стул, актуализируется прототипический образ стула, а вместе с ним форма слова — *стул* и его предметный признак. Теперь говорящий может проверить (с помощью операции референции), действительно ли предметные свойства воспринятого образа отвечают предметному признаку стула. Если да, то значит, кодирование (именование) словом *стул* воспринятого предмета возможно. Говорящий осуществляет референцию слова к воспринятому образу и включает слово в свою фразу, к примеру, говорит *Секретарша резко повернулась на стуле к открывающейся двери*. При этом конкретный образ воспринятого стула вместе с конкретной ситуацией, в которой он использовался (целостная картинка ситуации) автоматически пополняет ячейку таксономии (класс образов слова *стул*), которая отыскивается через родовой признак в схеме (9).

2) Д е к о д и р о в а н и е услышанного слова (воссоздание его референта). Обратимся теперь к слушающему. Услышав эту фразу и слово *стул*, он, опи-

раясь на прототипический образ (набор прототипов), а также учитывая контекст высказывания (*секретарша, резко повернулась*), пытается понять это слово — подобрать из своих прототипов наиболее подходящий. Допустим, это «офисный стул». По его родовому признаку из (9) слушающий обращается к своей ячейке предметной таксономии и на основе выбранного прототипа «офисный стул» подбирает из хранящихся в ней конкретных образов встретившихся ему ранее стульев самый похожий экземпляр, который и замещает предмет-референт, названный говорящим.

Воссоздание референта закончено. Тем самым коммуникативная задача оказывается решенной¹⁶.

4. О подходе А. Вежбицкой

В исследовании лексических значений предметных существительных работы А. Вежбицкой, и прежде всего [Вежбицкая 1985] и [Вежбицкая 1996а], составляют целую эпоху. Не имея возможности подробно анализировать подход Вежбицкой, мы вынуждены ограничиться лишь обсуждением нескольких отличительных черт предлагаемой нами точки зрения.

1. Атрибутивное VS. партитивное описание предмета. Первая черта касается различий атрибутивного и структурного описания предмета-референта. А. Вежбицкая в своих описаниях опирается на его атрибуты, ср.: «Все эти концепты (белка, собака, так же как и дерево, животное, птица) могут быть определены через упорядоченный перечень атрибутов — не необходимых и достаточных атрибутов, но характерных (characteristic) атрибутов» [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 241]. Или: «Имена человеческих артефактов требуют следующей схемы описания и в таком порядке: категория (тип вещей, сделанных людьми), цель (относительно ситуации), материал, форма, размер»¹⁷ (там же,

¹⁶ Заметим, что воссоздаваемая слушающим референтная ситуация, может иногда разительно отличаться от исходной, как, скажем, в рассказе А. Азимова «Молодость». Вот его (слегка измененное) начало: «— Тоший! — Его окликнули хриплым, встревоженным шепотом, и он дернулся к окну. На самом деле у него было совсем другое имя, но его новый друг, с которым он познакомился накануне, едва взглянул на худощавую фигурку, сказал: “Ты — Тоший”. И добавил: “А я — Рыжий”. На самом деле его тоже звали совсем иначе, но это имечко явно шло к нему. Тоший крикнул: — Эй, Рыжий! — и радостно замахал ему, стряхивая с себя остатки сна (...)». А вот конец рассказа: «Рыжий смотрел, как отлетает корабль. Красные щупальца — из-за них он получил свое прозвище — все еще колыхались, выражая сожаление об утраченной надежде, а глаза на ножках были полны желтоватыми кристаллами, которые соответствовали нашим земным слезам».

¹⁷ Типичный пример такого описания — словарная статья для существительного *забор* в [РАХИЛИНА 1991], см. ее краткое изложение выше, в п. 1.5.

с. 52). Совокупность атрибутов предмета образует вид (kind) предмета, который и считается его целостной характеристикой. Ср.: «Таксономические суперкатегории, такие как ‘птица’, ‘цветок’, ‘дерево’, образуют семантический общий знаменатель (denominator) для категорий низшего уровня, таких как ‘ласточка’, ‘попугай’ или ‘малиновка’, ‘тюльпан’ ...». Из того факта, что «... *собака* — вид животного, а *попугай* — вид птицы, следует, что их свойства подчинены суперкатегории: свойство попугая “птичность” важнее его свойства иметь цвет (окраску)». Поэтому определения низшего уровня «должны начинаться следующим образом: *орёл* — вид птицы и т. д.» (с. 261—262).

Мы в своих описаниях опираемся на партитивную модель референта. Например, референты слова *птицы* определяются как имеющие единую модель (структуру и взаимодействие частей, см. (24) в п. 7.4), а входящие в нее виды — попугай, воробей и др. — как различные реализации этой структуры. Поэтому для нас *орел* — это птица, которая ... (и далее следует описание конкретного воплощения этой структуры).

Ясно, что атрибуты предмета часто являются его частями. Однако в первом случае они даются как последовательность, а во втором — как система. Например, при определении референтов слова *животное* А. Вежбицкая, среди прочего, последовательно описывает их части: тело, голову, ноги, кости, хвост, шкуру. При этом каждая часть описывается не в плане ее функции и не в соотношении с другими частями, а относительно аналогичной части человека: «тело, которое имеет части, подобные частям человеческого тела», голова «подобна человеческой голове и имеет подобные ей части», хвост («они имеют некоторые части тела, отличные от частей человеческого тела») и под. [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 252].

Ориентация на атрибутивное описание таксономических категорий вынуждает А. Вежбицкую вводить в свои толкования некоторые «размывающие» их строгость оговорки. Так, отмечая, что «страусы и эму — которые не летают, ЯВЛЯЮТСЯ птицами», она пишет:

На мой взгляд, способность летать ЯВЛЯЕТСЯ существенным признаком этого понятия, и в полном толковании слова *птица*, предложенном мною ... упоминается способность летать (или способность передвигаться по воздуху) наряду с перьями, клювами, яйцами и гнездами. Но толкование слова *птица* ... построено таким образом, что оно не предполагает, что все существенные признаки понятия ‘птица’ воплощены во всех представителях этого класса. (...)

Полная экспликация понятия птица содержит следующую оговорку: ‘некоторые существа этого вида не могут передвигаться по воздуху, но, желая вообразить существа этого рода, люди вообразили бы существ, которые могут передвигаться по воздуху’ ([ВЕЖБИЦКАЯ 1996б: 219])¹⁸.

¹⁸ Все цитаты, приводимые нами из [ВЕЖБИЦКАЯ 1996б], без изменений вошли в более позднюю книгу [ВЕЖБИЦКАЯ 1996а].

Однако для таксономической характеристики птиц важен не атрибутивный признак 'летать', а структурная часть «крылья». Если включить ее в партитивную модель птицы, в данной оговорке не будет никакой необходимости, поскольку из наличия у птицы крыльев вовсе не следует, что она способна их использовать, и тогда описание становится строгим, не размытым. Это вполне аналогично предложенному А. Вежбицкой определению лодки как рода «объектов, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ ДЛЯ 'передвижения по воде'» (там же, с. 202), которое охватывает также лодки «с большой дырой», не способные перемещаться по воде.

Поставляя классы 'птицы' и 'фрукты', А. Вежбицкая пишет:

Следует, однако, отметить, что два класса (птицы и фрукты) не вполне симметричны, поскольку 'птица' — таксономическая категория ('вид существ'), а 'фрукты', как и 'мебель', — коллективная гетерогенная ('различные виды предметов'). Гетерогенность понятийной категории 'фрукты' приводит к тому, что типические (но не необходимые) признаки фруктов, такие, например, как 'расти на деревьях', гораздо менее важны, чем типические (но не необходимые) признаки 'птиц', такие, например, как 'летать' (там же, с. 220).

И здесь опора на единую функциональную структуру фруктов позволяет яснее понять языковую релевантность их признаков. Для фрукта, в частности, важен не атрибутивный признак 'расти на деревьях', а структурный — 'расти над землей' и, стало быть, обладать ножкой. В результате оказывается (см. описание (21) в п. 7.3), что различные фрукты имеют единую структуру (партитивную модель) и поэтому образуют четкую (аристотелеву), а не «собирательную» категорию (об этом понятии и его свойствах см. в [ВЕЖБИЦКАЯ 1996б: 210]).

Этот вывод подтверждается, во-первых, тем, что, подобно прототипической птице, можно представить и прототипический фрукт (тогда как прототипический предмет мебели нельзя). Кроме того, 'фрукт' — счетная категория. Вполне допустимо сказать *На тарелке лежало три фрукта: яблоко, груша и персик* или *На тарелке лежало несколько экзотических фруктов* (как отмечала А. Вежбицкая, сказать **три мебели* нельзя).

Замечание. Можно предположить, что дихотомия: атрибутивное — партитивное представление предмета относится к числу фундаментальных. Ряд биологических и экспериментальных данных свидетельствует о том, что сенсорные системы восприятия окружающего мира у антропоида и человека весьма близки¹⁹. Главные различия

¹⁹ Об этом свидетельствуют, во-первых, данные ДНК: «Человек и шимпанзе идентичны по этому показателю на 98,3%. По активно кодирующим нуклеидным последовательностям сходство еще выше: 99,5%. Среди млекопитающих генетическое

кроются в интерпретациях воспринятого. Антропоид, по-видимому, воспринимает предмет как совокупность интересных ему свойств (атрибутов), без понимания их структурной обусловленности. Качественное отличие человеческого восприятия именно в том, что он (подсознательно) выявляет в предмете разные партитивные модели. Иначе говоря, для каждого функционального атрибута, обнаруженного в предмете, человек строит реализующую его партитивную модель, объясняя для себя структурные причины наличия этого атрибута.

Тем самым, у человека появляется возможность, изменяя структуру предмета, получать нужные ему свойства. Это качество обнаруживается уже в «примитивных» человеческих сообществах, которые во многих других отношениях близки к сообществам антропоидов, ср.: «Ученые сопоставили орудийную технологию шимпанзе с материальной культурой аборигенов Тасмании, экономика которых до сих пор находится на уровне каменного века. Для поддержания своего существования эти люди пользуются 18 типами орудий, 14 из которых относятся к категории *артефактов*. У шимпанзе артефактами оказываются 18 из 20 типов орудий, которыми они пользуются. Наиболее существенное различие в том, что аборигены Тасмании делают составные орудия — такие, как копье, где наконечник тем или иным способом присоединяется к древку. Такая операция, разумеется, недоступна диким шимпанзе» ([ПАНОВ 2005: 328]). Это типичный пример изменения партитивной модели предмета для получения нужного свойства: наконечник, прикрепляясь к концу палки (древка), делает ее оружием (подробнее об этом см. [КОШЕЛЕВ 2006]).

2. Инвариант VS. прототип. Еще одно отличие связано с оппозицией «инвариант — прототип». Подвергнув блестящей и сокрушительной критике попытки ряда лингвистов и психологов относить классы референтов предметных имен (*лодка, холостяк* и др.) не к аристотелеву (четкому), а к прототипическому, нечеткому виду категории и опираться на прототип как главный механизм описания нечеткой категории, А. Вежбицкая вместе с тем отмечает, что иногда прототип полезен, ср.:

Ниже я рассмотрю две группы примеров. Первая группа иллюстрирует тенденции к злоупотреблению понятием прототипа (установка «Прототип спасает»); вторая группа примеров иллюстрирует плодотворность этого понятия, если его использовать как специальный инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку [ВЕЖБИЦКАЯ 1996б: 201, 202] (...)

‘Прототип’ не спасает, но может помочь, если обращаться с ним осторожно и осмотрительно и, самое главное, если соединить его с вербальными толкованиями (там же, с. 215).

соответствие такого ранга обычно обнаруживается между сестринскими видами одного рода, а не видами, относящимися к разным родам» [БУТОВСКАЯ 2004: 16—17]. Во-вторых, это подтверждают многочисленные эксперименты по изучению элементов мышления и разумного поведения у антропоидов, ср.: «По образному выражению, животное создает некую внутреннюю картину мира, включающую комплекс представлений *что, где, когда ...* Различают также **образные** и **абстрактные** (отвлеченные) представления» [ЗОРИНА, ПОЛЕТАЕВА 2002: 87 и сл.].

К числу примеров, для которых прототип полезен, А. Вежбицкая относит категории 'фрукты', 'птицы' и 'животные'.

Полностью соглашаясь с важностью прототипической информации о референтах слова, мы считаем, что прототип, во-первых, нужен всегда, для описания любого класса референтов предметного существительного, а во-вторых, имеет совершенно самостоятельный статус и поэтому должен быть строго отделен, с одной стороны, от «инварианта» (предметного признака — в нашей терминологии), а с другой стороны — от энциклопедической информации о референте. В частности, мы считаем, что наличие гнезд относится не к прототипическому компоненту значения слова *птицы*, а к энциклопедическим знаниям о птицах.

Приложение ²⁰

5. Вещи (рукотворные предметы)

1. *Стул*. Функция стула такова: 'рукотворный предмет, позволяющий одному человеку определенным образом сидеть'. Его ножки и спинка прикреплены к сиденью (физически связаны с ним), однако выражения **ножки* / **спинка сиденья* некорректны, в отличие от выражений *ножки* / *спинка стула*. Это и понятно: указанные части реализуют функцию не сиденья, а стула: ножки поддерживают на нужном уровне сиденье, которое служит опорой седалищу сидящего человека, а спинка поддерживает его спину.

Родовой признак стула: 'рукотворный предмет, обеспечивающий пассивное (в покое, без затраты усилий) сидячее положение для одного человека'. Он охватывает табурет и кресло и не охватывает качели, велосипед, унитаз и под.

В итоге получаем:

(8) *Стул* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

рукотворный предмет, обеспечивающий одному человеку пассивное сидячее положение

²⁰ Приводимые ниже описания носят предварительный, экспериментальный характер и нацелены на проверку объяснительных возможностей предлагаемого метода. Мы не включаем в них прототипические компоненты, поскольку считаем, что их нужно эксплицировать не столько вербальными, сколько изобразительными средствами, в духе учебных и демонстрационных фильмов по физике или автовождению, чтобы наглядно показать, каким образом предметный признак референта выражается его типичным внешним видом.

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

следующего вида: сидалище имеет горизонтальную опору, спина — вертикальную с легким отклонением назад, ноги опираются на пол;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

стул состоит из горизонтального **сиденья**, на котором человек сидит; снизу к **сиденью** присоединены **ножки** (или одна **ножка**), поддерживающие его на нужной высоте (чтобы ступни ног сидящего человека могли опираться на пол); сверху к **сиденью** присоединена **спинка** — опора для его спины.

Напомним, что имена основных функциональных частей модели выделены подчеркиванием, а главная часть (если она есть) — полужирным шрифтом.

Сиденье, будучи главной частью, часто представляет весь стул. Выражения *сел / встал / положил пиджак на стул* означают *сел / встал / положил пиджак на сиденье стула*. В противном случае, если, скажем, человек сел на спинку стула (и опирается ступнями на сиденье) или положил на нее пиджак, нужно указать именно ее: *сел / положил пиджак на спинку стула*.

Заметим, что сиденье имеют и многие другие предметы. Однако оно не всегда становится их главной частью. В некоторых случаях оно даже не является основной частью предмета ср.: сочетание *сиденье мотоцикла* корректно, а **сиденье вертолета* нет.

2. *Велосипед, мотоцикл, автомобиль*²¹. Родовым для велосипеда является признак ‘колесное транспортное средство, управляемое посредством руля, который едущий человек поворачивает руками’. Ему соответствуют: самокат, велосипед, мопед, мотоцикл, мотороллер и автомобиль и не соответствуют роликовые коньки, роликовая доска, детская коляска, инвалидное кресло и под.

Функция велосипеда в этом ряду очевидна: ‘позволяет одному человеку передвигаться в положении сидя, используя вращательные движения своих ног’. К основным частям велосипеда относятся: рама, руль, сиденье, колеса и педали (ср. корректность выражений *рама / руль / сиденье / колеса / педали велосипеда*) и не относятся спицы колес, велосипедный насос, звонок, фонарь, велосипедная цепь, рулевой тормоз, шины и др. (ср. некорректность выражений **спицы / *насос / *звонок велосипеда, *фонарь / *цепь / *тормоз велосипеда*). При этом вполне нормально сказать *тормоз / шина переднего колеса; велосипедные спицы, велосипедный фонарь / насос / тормоз*.

²¹ См. также толкования слов *bicycles* и *cars* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 105—144].

(10) *Велосипед* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

колесное транспортное средство, управляемое посредством руля, который едущий человек поворачивает руками,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

предназначенное для одного человека, который, сидя, приводит его в движение с помощью вращательных силовых движений своих ног;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

велосипед состоит из рамы, к которой прикреплены все остальные части; сверху: спереди руль, сзади сиденье; снизу переднее колесо, жестко связанное с рулем, педали (посередине) и заднее колесо, связанное с педалями; сидящий на сиденье человек вращает ногами педали, приводя в движение заднее колесо, которое двигает вперед велосипед; руками он поворачивает руль, а с ним и переднее колесо, направляя велосипед в нужную сторону.

Это описание охватывает многие подвиды велосипеда: от детского, трехколесного, до спортивного (гоночного). У велосипеда главной части нет.

Можно услышать возражение: сформулированная партитивная модель слишком сложна для рядового носителя языка, и он вряд ли ею владеет. Нам так не кажется. Во-первых, если бы это было так, носитель языка, скорее всего, не смог бы различать корректность / некорректность выражений типа *руль / колесо / педали велосипеда* и **шина / *насос велосипеда*. Ведь только из модели он знает, какие части велосипеда непосредственно обеспечивают его движение. Конечно, некоторым выражениям он мог научиться у других (искушенных) носителей языка. Но явно не всем. Кроме того, не следует забывать, что предметным признаком (парой «партитивная модель референта — ее функция») носитель языка владеет подсознательно. Выше, при анализе генитивной группы *УХ-а*, мы могли в этом убедиться.

Иерархическая структура велосипеда. Основные части (колеса, сиденье и др.) образуют первый уровень иерархии, части частей (спицы колес, пружины сиденья и пр.) — второй и т. д. Как мы уже упоминали, некорректность группы *УХ-а* может означать одно из двух: либо данная часть *У* принадлежит к более низкому уровню иерархии частей предмета *Х* (**спицы велосипеда* — *спицы колеса велосипеда*), либо *У* вообще функционально независим от *Х-а*, хоть и связан с ним физически (**насос велосипеда*, **насос колеса / шины*).

Мотоцикл — это самоходное колесное транспортное средство для водителя и пассажира, сидящего сзади. Он имеет два сиденья и мотор, расположенный в середине рамы и вращающий заднее колесо; может иметь коляску

для третьего пассажира Нормально сказать: *мотор / заднее сиденье мотоцикла*, хуже: **багажник / *зеркало мотоцикла*.

Важнейшее отличие автомобиля — наличие закрытого, изолированного от внешнего мира салона (или кабины для водителя грузовика), в котором уже комфортно, опираясь на спинки, сидят и водитель и пассажир(ы). Поэтому наряду с прежними частями: мотор, колеса, руль, сиденья, и др., к партитивной модели автомобиля добавляются новые: дверцы, ветровое стекло, багажник; ср. корректность соответствующих генитивных конструкций. К ним не относятся: кондиционер, встроенная магнитола, «дворники» (очистители ветрового стекла), прицеп и др., ср. некорректность выражений: **кондиционер / *магнитола / *«дворники» / *прицеп автомашины*, ср. также: *сиденья автомашины*, но *спинки сидений*.

3. Дом. Сосредоточимся на первом значении этого слова: «Дом. 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [БТС] ²². Родовой признак для референтов слова *дом* 1, как нам кажется, такой: ‘постоянное наземное сооружение, имеющее целью создание внутреннего пространства, закрытого и защищенного от внешнего мира сверху и со всех сторон’. Ему не соответствуют: навес, беседка, веранда (закрыты не со всех сторон); склад (не обязательно закрытое сооружение); шалаш, барак, палатка, шатер, юрта, кибитка (временные); пещера, подвал, землянка, бункер (не наземные).

Функцию референтов *дом* 1 мы формулируем так: ‘внутреннее пространство, состоящее, главным образом, из одной или нескольких комнат, предназначенных для длительного и удобного пребывания человека’. Ей соответствуют лачуга, хижина, сторожка, флигель, изба, хата, особняк, дворец, небоскреб и не соответствуют амбар, ангар, церковь, стадион (крытый), элеватор, гараж, сарай, киоск, павильон, палатка (торговая), башня (сторожевая) и под., поскольку их внутреннее пространство состоит не из комнат, а из помещений другого типа.

Главное помещение театра, кинотеатра и павильона — зал, цирка и стадиона — арена, завода и фабрики — цех. Ориентируясь на внешний вид кинотеатра, его можно назвать домом, однако лишь в случае, если говорящему не известно, что его главное внутреннее помещение — кинозал.

Некоторые слова исключены, ввиду того что называют наряду с домами и другие сооружения. Во-первых, это *жилище*, относящееся не только к домам, ср. *Пещеры и шалаши были первыми жилищами людей* (пример из СЛОВАРЯ УШАКОВА). Кроме того: *строение* (заводские строения), *здание* (завода), *корпус* (заводской), *деревянная постройка* (о сарае), *будка* (собачья), *ночлежка* (не обязательно состоит из комнат) и под.

²² См. также посвященное этому значению исследование И. Б. Левонтиной [НОСС 1999: 82—87].

Отдельно следует сказать о слове *замок*. Оно называет не только само строение, но также прилегающую к нему территорию и даже окружающую ее крепостную стену, ср.: *территория / ворота / крепостная стена замка*.

Референты слова *дом* 1 и все их видовые вариации (сторожка, изба, дворец, небоскреб, гостиница и др.) имеют следующие (основные) функциональные части: фундамент, стены, крышу, окна, входную дверь и внутреннее пространство, состоящее из помещений: прихожей, коридоров, комнат(ы) и др. Есть и другие части дома (крыльцо, труба), но эти — самые необходимые. Из них и составляется партитивная модель дома. Заметим, что ни пол, ни потолок в нее не входят, — Это части комнаты, ср.: **пол / *потолок дома* и *пол / потолок комнаты*²³. В итоге получаем:

(11) *Дом* 1 =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

постоянное наземное сооружение, имеющее целью создание внутреннего пространства, закрытого и защищенного от внешнего пространства сверху и со всех сторон;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

это внутреннее пространство состоит, главным образом, из одного или нескольких помещений специального типа — комнат, предназначенных для длительного и удобного пребывания человека (одного или нескольких);

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

дом включает: **внутреннее пространство**, которое со всех четырех сторон защищают опирающиеся на фундамент стены, а сверху — опирающаяся на них крыша; входную дверь, которая закрывает и открывает вход во **внутреннее пространство** извне и выход из него, и окна, обеспечивающие ему дневное освещение, проветривание и контакт с внешним пространством.

Замечание. Отдельно следует определить основную часть внутреннего пространства дома — ‘комнату, предназначенную для длительного и удобного пребыва-

²³ Конечно, если внутреннее пространство дома сводится к одной комнате, как бывает в избе, то и пол и потолок становятся ее непосредственными частями; так, вполне нормально сказать *пол и потолок избы*. В этом случае и некоторые другие части избы становятся основными, например, порог «через который осуществляется контакт с “чужим” пространством» [СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ Т2: 117], печная труба, ср. *порог / печная труба избы*, или матица (поперечная балка, поддерживающая потолок), которой «приписывается роль семиотической границы между “внутренней” (“передней”) частью дома и “внешней” (“задней”), связанной с входом/выходом» [Байбурин 2005: 171].

ния человека' (в ряду других видов внутренних помещений, таких как зал, арена, цех, аудитория, камера, коридор, прихожая и др.) Не входя в детали, наметим лишь её партитивную модель: комната состоит из внутреннего пространства небольшого объема, предназначенного для длительного и удобного пребывания в нем одного или нескольких (небольшого количества) людей; это пространство защищено и ограничено сверху потолком, с четырех сторон стенами с окнами (или окном), имеет пол и входную дверь.

6. Элементы ландшафта

1. *Река, озеро, родник.* Обрисуем сначала кратко классификацию водоемов в русскоязычной картине мира. По-видимому, они распадаются на три типа: источники (ключ, родник), каналы (ручей, река) и хранилища (лужа, озеро, море)²⁴ и образуют естественную схему: из источников по каналам вода поступает в хранилища.

Общее свойство перечисленных типов водоемов можно сформулировать так: 'водная масса, естественно возникшая на поверхности суши'. Для реки, ручья, озера, моря и лужи это свойство можно продолжить так: 'сплошь и постоянно ее покрывающая'. Эта суша называется их дном. У родника, и ключа дна нет. Заметим, что болото, занимающее (как и топь) промежуточное положение между сушей (твердью) и водой, часто также покрыто водой, но, во-первых, лишь местами, а во-вторых, болото также не имеет дна (выражение *дно болота аномально) и покрывает не сушу, а топь.

Более частные (различительные) признаки, коротко говоря, таковы: 'перемещение воды по дну', 'стояние воды на дне' и 'появление воды из-под земли' или, более подробно: для ручья, реки — 'часть суши, по которой идет постоянное однонаправленное перемещение массы воды', для лужи, озера, моря — 'часть суши, на которой стоит масса воды', и для ключа, родника — 'часть суши, на которой из-под земли появляется водная масса'.

К перечисленным признакам добавляются сугубо антропоцентрические характеристики. Озеро сравнительно невелико и охватывается вместе со своими берегами единым взором. Оно не глубоко и имеет сравнительно небольшую ширину, такую, что человек в принципе может его переплыть в любом месте. Море, напротив, имеет большую глубину и настолько велико, что человек не может охватить его взглядом, увидеть противоположный берег и

²⁴ Океан, по-видимому, трактуется в наивной картине мира как большое море или «как всемирное море ... Все отдельно именуемые моря, кроме озер, составляют заливы, ковши и протоки общего водоема или океана, который произвольно делится землеописателями на несколько частей или океанов по странам света и другим началам» [Словарь Даля].

доплыть до него (или переплыть на лодке). Он видит лишь часть берега, на котором стоит, и примыкающую часть моря.

Река по своим размерам занимает промежуточное положение между озером и морем. В глубину и ширину она невелика: человек единым взором охватывает обе части берега (часть, на которой стоит, и противоположную) и в принципе может переплыть на другой берег. Однако в длину река очень велика: человек не может увидеть одновременно ее устье и исток и проплыть ее вдоль. Стоя на берегу, он видит только небольшую часть обоих берегов.

Ручей, лужа, родник и ключ не имеют берегов, их можно перешагнуть, перепрыгнуть через них или перейти вброд. Главное качество родника и ключа — первозданная чистота воды. Кроме того, родник, в отличие от ключа, называет истечение воды без напора (в роднике вода не бьет)²⁵.

Обратимся теперь к описанию реки. Зададимся вопросом: из каких частей она состоит? Использование «генитивной отмычки» быстро дает ответ: из берегов, русла, истока, устья, дна, воды; ср. корректность выражений *берега / русло / исток / устье / дно / вода реки*. К этим частям можно отнести также притоки и рукава (*рукава / притоки / пороги реки*), но не водопад, брод, пороги, заводь, рыбу, мост, пристань, плотину, ср. некорректность выражений **водопад / *брод / *рыба / *мост / *пристань / *плотина реки*.

В итоге получаем следующее описание:

(12) *Река* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса, постоянно и сплошь покрывающая некоторую часть суши (земли);

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

по этой части суши (руслу и его дну) между берегами идет постоянное однонаправленное перемещение довольно большой массы воды; в ширину река невелика: человек, стоя на одном ее берегу, хорошо видит противоположный берег и в принципе может до него доплыть; в длину река очень велика: человек не может увидеть одновременно ее начало (исток) и конец (устье) и проплыть ее вдоль, он видит лишь небольшую часть обоих берегов;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

река образована: массой **воды**, которая сама собой перемещается по руслу (желобообразной поверхности суши), дно которого идет

²⁵ Ср.: родник — «ручей, водный источник, текущий из глубины земли, ключ; ключ — «бьющий из земли источник, родник» [СЛОВАРЬ УШАКОВА].

под уклон от истока — начала перемещения, к устью — концу перемещения; текущая по руслу вода ограничена с боков берегами — выступающей над ней сушей, не дающей ей растекаться; иногда в русло впадает приток (другая, более мелкая река), или от него ответвляется рукав, образующий отдельную более мелкую реку.

Главная часть реки — вода. Почти всегда словом *река* называется именно вода, а также действия с ней или в ней, ср.: *переплыл / упал / уронил / нырнул в реку* (= в воду), *пересохла / вышла из берегов / забурлила / обмелела река* (= вода в реке). Действия и события, происходящие с другими частями реки, требуют их прямого именованя: *пошел ко дну / вышел на берег* и под.

Ручей, в отличие от реки, гораздо меньшее по массе и менее постоянное по направлению течения воды. Он часто порождается временными факторами (таяние снега, ливень, утечка воды и пр.) и прокладывает себе путь по естественной линии наименьшего «ландшафтного сопротивления» (например, по дну оврага). Поэтому он не имеет русла, истока, устья и берегов, ср. некорректность соответствующих генитивных конструкций. Он имеет лишь дно и воду, ср. *На дне ручья лежала монетка, Вода ручья была прозрачной и холодной*.

Перейдем к луже, озеру и морю. Корректность выражения *берега озера* свидетельствует о том, что наблюдатель видит оба берега: тот, на котором стоит, и противоположный. Для моря это не так. Поэтому нормально сказать *берег моря*, но плохо: **берега моря*.

Функциональными частями озера являются вода, дно и берега. Ни впадающая в озеро (или море) река, ни остров не являются частью озера (моря), ср. **река / *остров озера (моря)*. В итоге получаем:

(12а) *Озеро* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса, постоянно и сплошь покрывающая некоторую часть суши (земли);

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

на этой части суши масса воды стоит, ограниченная берегами и с любого берега вся, вместе со своими берегами, доступная взору человека; человек в принципе может его переплыть в любом месте;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

озеро образовано: массой воды, которая стоит на дне (чашеобразной поверхности суши) и ограничена со всех (или почти со всех) сторон берегами, не дающими воде растекаться.

Лужа, подобно ручью, также не имеет берегов, но имеет края.

Родник и ключ не имеют других функциональных частей, кроме (небольшой) массы воды. Их, по-видимому, следует считать исходными элементами ландшафта, имеющими функцию 'естественный источник воды'.

Итак, для родника получаем:

(126) *Родник* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса на поверхности суши,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

появляющаяся из-под земли и обладающая первородной чистотой; родник невелик: человек может перепрыгнуть через него или перейти его вброд;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

родник образован небольшой массой **воды**.

2. Овраг, пропасть, обрыв, ущелье²⁶. Общей частью для оврага, пропасти и ущелья (а также для рытвины и каньона) является естественно возникшее дно — горизонтальная поверхность суши, окруженная крутыми возвышениями. Канава, ров, котлован, шахта, воронка, колодец, карьер возникли искусственно; расселина — «глубокая трещина в земле, в породе» (по СЛОВАРИЮ УШАКОВА), скважина, кратер не имеют дна; низина окружена полого возвышающейся сушей.

Обрыв и утес не имеют дна. Они — естественно образовавшееся крутое возвышение (суша и скала).

Овраг имеет протяженное дно, иначе он становится ямой. По антропоцентрическим характеристикам овраг можно уподобить озеру: он невелик и полностью обозрим, в него человек может спуститься по склону и самостоятельно выбраться, а ущелье — морю: наблюдателю видна лишь небольшая часть его дна и окружающих его крутых возвышений; человек не может в него спуститься и выбраться из него, не зная дороги. В этом плане рытвина подобна луже: она невелика, и через нее можно перепрыгнуть.

Обрыв не имеет дна, однако, место под его откосом ему принадлежит, как осыпавшаяся его часть (она, правда, не имеет имени). Обрыв весь хорошо виден человеку, стоящему на его краю. Он глубок: человек не может спуститься и взобраться по его откосу самостоятельно; упасть с обрыва опасно — можно погибнуть.

²⁶ Согласно СЛОВАРИЮ УШАКОВА, *овраг* — «большая, глубокая, удлиненная рытвина», *обрыв* — «крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли», *пропасть* — «крутой и очень глубокий обрыв, ущелье», *ущелье* — «узкая и глубокая расселина, трещина между горами».

Пропасть лишь частично видна человеку, стоящему на ее краю: часть крутого откоса и его край; ни всего края, на котором он стоит, ни дна ему не видно (*бездонная пропасть*); спуститься по крутому склону в пропасть и выбраться из нее он не может; падение в пропасть грозит ему верной смертью.

Перейдем к описанию оврага. К его функциональным частям относятся: дно, склоны, полностью его окружающие и края. В итоге, получаем:

(13) *Овраг* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

протяженное и не очень глубокое, окруженное со всех сторон не очень крутыми склонами; человек, стоя на его краю, видит весь овраг: и дно, и склоны; он может по склону спуститься в него и самостоятельно выбраться из него;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

овраг образован: краями и дном, которое со всех сторон окружено склонами.

Замечание 1. Партитивная модель рассматриваемых референтов представляет собой структуру пространственной формы и сближается с понятием топологического типа, используемым Л. Тальми для описания концептуализированных языком пространственных форм. Ср.: «Л. Тальми предложил считать, что в языковой картине мира все объекты видятся как представители нескольких эталонных форм, таких как поверхность, емкость и под. Эти эталонные формы он назвал топологическими типами. Топологические типы как бы “вбирают в себя” сложные наборы признаков, которые пытались отразить структурные описания, и являются для антропоцентричного подхода к языку ясной альтернативой евклидовой геометрии: они объясняют, в частности, почему в языке не у всякого объекта есть все измерения» [РАХИЛИНА 2000: 119, 120] (см. также с. 349; там же см. содержательный обзор работ Л. Тальми). Отметим специфику партитивной модели референта: в отличие от топологического типа, модель задает части формы и отношения между ними, обеспечивающие функцию референта. Например, одну и ту же эталонную форму ‘емкость’ принимают и стакан, и озеро, и овраг, и яма. Но партитивная модель стакана содержит дно и стенки, озера — дно и берега, оврага — дно и склоны, а ямы — дно и бока (ср. в СЛОВАРЕ ДАЛЯ: «овраг — крутобокая рытвина»). Ясно, что при некоторой функциональной общности стенок стакана, берегов озера, склонов оврага и боков ямы между ними имеются и существенные (для языка) функциональные различия.

(14) *Пропасть* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

очень глубокое, прилегающее к отвесному склону; человек, стоя на краю пропасти, видит ее лишь частично: часть крутого откоса и часть ее края; ни дна, ни других краев пропасти он не видит; спуститься по отвесному склону в пропасть и выбраться из нее он не может; падение в пропасть грозит ему верной смертью;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

пропасть образована: дном, которое прилегает к отвесному склону, соединяющему его с краем.

(15) *Обрыв* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая возвышенность,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

имеющая отвесный склон, и прилегающую к нему глубоко внизу осыпавшуюся часть; человеку, стоящему на краю обрыва, он весь хорошо виден; человек не может спуститься с него по откосу и взобраться самостоятельно; упасть с обрыва опасно — можно погибнуть;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

обрыв образован: краем возвышенности, который отвесным склоном соединен со своей опавшей частью.

Замечание 2. В [РАХИЛИНА 2000] при анализе пары выражений *глубокая пропасть* и *высокий обрыв* отмечается: «Отсутствие в русском языке сочетания **глубокий обрыв* свидетельствует о некотором парадоксе в языковой пространственной картине мира ... человек, стоящий внизу, так сказать, на дне обрыва, не назовет «обрывом» возвышающуюся перед ним стену. Между тем, характеризуя обрыв как высокий, мы “смотрим” снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. как бы мысленно уже совершив падение» (с. 134).

Как нам кажется, дело здесь в том, что у обрыва, в отличие от пропасти, нет дна. У него, образно говоря, есть лишь «полудно». Обрыв образуется тремя поверхностями: верхняя (край), откос и нижняя («полудно»), благодаря которому он занимает промежуточное положение между забором, стеной и утесом (отвесными возвышениями, не имеющими дна), и пропастью и ущельем, имеющими дно. Выражения *стою над обрывом* и *стою над пропастью* корректны, поскольку внизу есть «полудно» обрыва и дно пропасти, над которыми говорящий находится. Выражения **стою над крепостной стеной* / **над утесом*, напротив, некорректны, поскольку нижняя поверхность — земля, прилегающая к стене / утесу, над которой стоит говорящий, ни к той, ни к другому не относится. Заметим, что некорректность выражения **стою над ущельем* объясняется другой причиной: у ущелья нет края, на котором можно

было бы стоять над его дном. Некорректность выражения **стою над оврагом* объясняется, на наш взгляд, иначе: у оврага пологие склоны, поэтому, стоя на краю оврага, говорящий не находится над ним (его дном). Заметим, что указанной особенностью формы обрыва (наличием у него «полудна») объясняется сомнительность выражения **лежу под обрывом*, при полной корректности аналогичных выражений: *лежу под забором / под крепостной стеной / под утесом*.

(16) *Ущелье* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

очень глубокое, протяженное и скалистое, окруженное отвесными склонами; не охватывается полностью взором человека, ему видна лишь небольшая его часть дна и склонов; человек не может в него спуститься и выбраться из него, не зная дороги;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

ущелье образовано: дном и склонами.

7. Живые организмы

1. Классификация живых организмов. Очертим верхние уровни предметной классификации мира (см. рис. 1 в п. 1.2), на которых располагаются такие классы как ‘организм’, ‘неорганический предмет’, ‘растение’, ‘животное’ и под. Приведем сначала относящиеся сюда данные из СЛОВАРЯ УШАКОВА:

Животное. 1. Живое существо, способное чувствовать и передвигаться. *Домашние животные. Позвоночные, беспозвоночные животные.* || То же, в противоп. человеку (преимущ. о домашних животных). *Животные и люди радуются весне. Он жалеет животных.*

Растение. Организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии и питающийся неорганическими веществами почвы и воздуха. Высшие растения обычно состоят из трех основных органов: корня, укрепленного в земле, надземного стебля и листьев. К низшим растениям относятся грибы, лишайники, водоросли, бактерии.

Начнем с анализа живых организмов. В [КОШЕЛЕВ 1996] предложено такое определение концепта *живой* (с. 189):

(17) *X живой* = ‘1) X растет или развивается сам собой, взаимодействуя с окружающей средой, и 2) каждая часть X-а растет или развивается сама собой, взаимодействуя с окружающими ее частями’.

Видоизменим это определение, чтобы подчеркнуть, во-первых, предметный признак живого организма, а во-вторых, его противопоставлен-

ность неорганическому предмету. Выше, в п. 1.8, мы определили слово *предмет*. Предметный признак его значения — ‘единство, целостность ограниченного связного субстанциального образа’ — является родовым как для неорганических предметов, так и для организмов.

Теперь определим функцию организма: ‘предмет и его физические части обладают своими качественными свойствами (в частности, растут и развиваются) благодаря тому, что предмет периодически забирает питание извне и распределяет его по всем своим частям’. В соответствии с этим определением никакая физическая часть организма не может сохранять свои качественные свойства, отдельно от него (напомним, что плод трактуется языком как самостоятельная часть организма).

Для неорганического предмета это не так. Его физические части обладают своими качественными свойствами независимо от связи с окружением.

В итоге получаем:

(18) *Организм* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

предмет,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

такой, что он сам и его физические части сохраняют свои качественные свойства (в частности, растут и развиваются) благодаря взаимодействию с окружающей средой;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

организм периодически забирает питание извне и распределяет его по всем своим частям.

(18a) *Неорганический предмет* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

предмет,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

такой, что он и его части сохраняют свои качественные свойства вне связей с окружающей средой;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

части неорганического предмета физически связаны между собой.

Класс (18a) включает наряду с артефактами и натуральные предметы: камень, льдину и под.

2. Растение, дерево ²⁷. Растения и животные функционально различаются типом и способом питания. Растение ‘забирает питание из земли (почвы)’, а животное ‘забирает органическое питание, т. е. питается растениями или животными’.

Функция растения предопределяет его партитивную модель, в частности, корень и его функцию: добывать питание из земли. Следовательно, корень должен быть погружен в землю и максимально в ней распространиться. Поэтому растение оказывается «привязанным» к данному месту земли, «укоренено» в нем. Корень имеют как низшие растения: грибы, лишайники и пр., так и высшие, состоящие «из трех основных органов: корня, укрепленного в земле, надземного стебля и листьев» (СЛОВАРЬ УШАКОВА, см. выше).

Итак, получаем:

(19) *Растение* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

организм;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

забирает питание из земли (почвы) посредством корня, погруженного в землю;

ПАРТИТИВНАЯ модель

растение состоит из корня (подземной части), который забирает питание (сок) из земли и передает его в надземную часть.

Для *дерева* родовым является признак ‘наличие надземного стебля, идущего от корня и несущего листья’. Он задает еще референты слов *трава* и *кустарник*. Функцией дерева мы будем считать ‘наличие единого твердого (древесного) стебля — ствола, играющего для человека особую роль в сравнении с другими видами стебля’.

К основным частям дерева относятся, кроме корня и ствола, ветви, листья (иголки), кора, древесная сердцевина, сок и плоды. Итак, получаем:

(20) *Дерево* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

организм, забирающий питание из земли (почвы) и имеющий надземный стебель,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

функция

который является единым и твердым (стволом) и играет для человека особую роль в сравнении с другими видами стебля растений;

²⁷ См. также толкование слова *trees* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 182—183].

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

дерево включает в себя: корень, погруженный в землю и выбирающий из нее неорганическое питание — сок, который по соединенному с корнем и растущему над землей стволу распределяется по идущим в разные стороны от него ветвям к их окончаниям — листьям; ствол и ветви покрыты корой, защищающей их внутренние части — древесную сердцевину.

3. Фрукт, яблоко²⁸. Родовой признак фрукта, как нам кажется, такой: ‘плод растения, занимающий определенное место в рационе питания человека, в частности, относится к десерту’²⁹. Кроме фруктов к данному классу относятся ягоды и бахчевые плоды: арбуз, дыня, тыква (они тоже плоды растений, и подаются на десерт) и не относятся: орехи, рябина, шиповник (плоды) и др.

Функция фрукта такова: ‘фрукт — это такой (по величине) плод, что его удобно взять целиком одной рукой, и он составляет по своей массе примерно одну порцию десерта; тем самым он занимает промежуточное положение между ягодой и арбузом или дыней’³⁰. Одну порцию десерта обычно составляет небольшая часть арбуза или дыни (один или два куска) и довольно много ягод.

Перейдем к анализу партитивной модели фрукта. Как кажется, у фрукта можно выделить следующие части: ножку (или плодоножку³¹), на которой он висит в процессе роста, кожу (кожуру), мякоть и плодоносные зернышки или косточку (косточки), ср.: *кожура / мякоть / зернышки яблока (апельсина, грейпфрута), кожура / мякоть / косточка сливы (абрикоса, вишни), косточки виноградины*.

Для сравнения заметим, что у орехов, желудей — скорлупа и ядро или сердцевина, у арбуза, дыни — корка и отсутствие ножки (они лежат на земле), у ягод — отсутствие кожуры (малина, клубника) или мякоти и плодоносных зернышек / косточек (крыжовник, смородина, голубика), ср. некорректность выражений **мякоть крыжовника (голубики)* и сомнительность выра-

²⁸ См. также толкования слов *fruit* и *apples* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 299—303].

²⁹ Согласно СЛОВАРЯ УШАКОВА, *фрукт* это «сочный съедобный плод какого-н. дерева», а *десерт* — это «фрукты, конфеты или сладкое блюдо, подаваемое в конце обеда».

³⁰ Здесь мы следуем за А. Вежбицкой, использовавшей признак ‘держа одной рукой поедать целиком’ для разделения овощей и фруктов на мелкие (горох, земляника), средние (огурец, яблоко) и крупные. Анализ этой классификации см. в [ЛЯШЕВСКАЯ 2004: 221 и сл.

³¹ Ср.: *плодоножка* — «часть стебля, соединяющая плод с растением» (СЛОВАРЬ УШАКОВА).

жений **косточки* / **зернышки крыжовника (рябины)*. У калины есть косточка, но нет мякоти, ср. некорректность выражения **мякоть калины* и, напротив, корректность выражений *мякоть виноградины* / *вишни*.

Функциональная неразличимость зернышка и косточки обусловлена в данном случае тем, что и то и другое — носитель зародыша, о чем свидетельствуют выражения *зернышко яблока* / *апельсина проро slo*, *косточка вишни* / *персика проро slo*.

Немаловажным элементом структуры фрукта является ножка. Как уже отмечалось, фрукты растут не только на деревьях, но и на кустарниках (к примеру, некоторые виды вишни). Однако они обязательно находятся над землей и соединяются с веткой родового растения посредством ножки, удерживающей растущий фрукт на весу (ср.: *ножка яблока, банана*). Наличие ножки в структуре фрукта вводит естественное ограничение на его размеры и вес. Он не должен быть слишком большим, чтобы ножка не оборвалась раньше времени (максимальный размер, по-видимому, у грейпфрута).

Собирая части воедино, получаем следующее описание:

(21) *Фрукт* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

плод растения, занимающий определенное место в рационе питания человека, в частности, подаваемый на десерт;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

функция

он такой величины, что его удобно взять целиком одной рукой, и по своей массе он составляет примерно одну порцию десерта;

ПАРТИТИВНАЯ модель

фрукт состоит из мякоти, в которой накапливается и хранится поступающий от дерева сок, ножки, по которой этот сок поступает во фрукт и благодаря которой он удерживается на ветке от падения, плодоносных зернышек / косточки, находящихся внутри мякоти, и кожуры / кожицы, покрывающей мякоть.

Конечно, имеется ряд «промежуточных» фруктов, которые не содержат всех перечисленных признаков. Например, банан не имеет зернышек, зато имеет все остальные составляющие: и ножку, и кожуру, и мякоть. Вишня и винограда не больше клубничины, однако, в отличие от нее, имеют кожуру и косточку (косточки).

Перейдем к описанию отдельных видов фруктов: яблок, груш, лимонов и др. Их партитивная модель (ножка, кожура, мякоть, зернышки / косточки) сама по себе сохраняется у каждого вида, но характеристики этих частей значимо варьируют. А это меняет не только их вкус, но и необходимость (и спо-

соб) их очистки перед употреблением и сам процесс их съедания, что, наряду с вкусовым типом, влияет на специфику данного фрукта как десерта. К примеру, нектарин употребляется без очистки, кожура спелого банана легко снимается «невооруженными» руками, а для отделения кожуры спелого апельсина обычно требуется нож.

Коснемся кратко характерных особенностей частей фруктов. У яблока тонкая кожура, оно шарообразно, у него вполне специфические структура мякоти и вид зернышек. Апельсин еще более шарообразен, но у него совершенно другая структура мякоти, вид и толщина кожуры, другие зернышки. Груша по коже и зернышкам схожа с яблоком или айвой, но структура и тип вкуса ее мякоти совсем другие.

Важной видовой характеристикой фрукта является его природная форма. Для яблока, к примеру, важна не столько шаровидность (оно вполне может быть приплюснуто сверху и снизу), сколько специфическая воронка для ножки. У апельсина такой впадины нет, а у груши в месте соединения ножки с телом плода, напротив, имеется выпуклость, образующая нечто вроде головки.

Заметим, что вкус яблока (кисло-сладкий) или цвет (красное), размер (примерно с человеческий кулак) — это уже его прототипические характеристики. Размеры яблока могут сильно варьировать (ср. китайские яблочки размером с грецкий орех). Яблоки бывают и кислыми (дичка), и даже горькими, несъедобными, однако от этого они не перестают быть яблоками. Цвет яблока тоже не столь характерен. Оно бывает и белое, и коричневое, и пестрое. Если нам вдруг попадется плод голубого цвета, во всех остальных отношениях похожий на яблоко, мы без колебаний назовем его яблоком. Но отсутствие в его форме указанной впадины даст говорящему основание усомниться в том, что перед ним яблоко.

Подытожим проведенные рассуждения.

(22) *Яблоко* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

фрукт, который

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

занимает особое место во фруктовом десерте;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

это место определяется тем, что **мякоть** яблока специфична по своему вкусу, «материальной» фактуре и структуре; его **кожура** тонкая, плотно прилегает к мякоти; **зернышки** — пять или шесть, все находятся в середине мякоти, в закрытых скорлупках и состав-

ляют сердцевину яблока; его форма шарообразная, с воронкой, в которую входит его ножка.

Мякоть является главной частью и фрукта и яблока. К примеру, говоря о яблоке, часто имеют в виду именно его мякоть: *съешь яблоко, яблоко без кожуры и сердцевины* и под.

Яблоки разделяются на сорта: антоновку, штрифель, белый налив и др. Вкусовые качества этих сортов определяют их специфические роли в яблочном десерте. В этом плане они подобны сортам розы, детализирующим эстетические впечатления от розы как вида цветка³².

4. Животное, птица³³. Упомянутая в начале п. 2 функция животного ('питается растениями или животными') предопределяет для него совершенно иные, чем у растения, свойства. Поскольку органическое питание сосредоточено, главным образом, на поверхности земли, животное должно уметь передвигаться по земле к новым источникам питания (корма), т. е. иметь, во-первых, часть, посредством которой оно захватывает корм: рот, пасть, клюв и под., во-вторых, тело, в котором захваченная пища может перерабатываться и усваиваться (оно есть и у насекомых, и у пресмыкающихся, и у кальмара), и, в-третьих, конечности, посредством которых животное может передвигаться к новым местам корма: ноги / ножки, лапы / лапки, крылья / крылышки, плавники / щупальца и пр.

Итак, получаем:

(23) *Животное* 1 =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

организм;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

питается растениями или животными;

³² Наивная таксономия культурных и природных вещей оказывается удивительным образом изоморфной: класс 'фрукты' (с их структурой: ножка, кожура, мякоть и зернышки / косточка) можно уподобить классу 'автомобили' (с их структурой: колеса, дверцы, руль, сиденья, мотор и пр.). Видовые подклассы фруктов: 'яблоко', 'груша' и пр., подобны типам (или маркам) автомобиля: «ауди», «тойота», «мерседес» и пр. А сорта яблок: антоновка, белый налив и пр. соответствуют различным моделям одной марки автомобиля. Скажем, марка «ауди» имеет модели: «ауди-100» («зубило»), «ауди-80» («бочка») и пр. Невольно вспоминается зоценковская «собачка системы пудель».

³³ См. также толкования слов *birds*, *animals* и *fish* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 180—181, 252—255].

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

животное состоит из головы / головки, содержащей орган захвата пищи, соединенного с ним тела / тельца, в которое захваченная пища поступает и где она распределяется по всем его физическим частям, и конечностей, предназначенных для перемещения животного к новым местам кормежки.

Перейдем теперь к анализу более частного значения *животное* 2 ('животное, противопоставленное человеку'). Родовым для него будет признак 'позвоночное (наличие внутри животного костного скелета)'. Он определяет три видовых варианта: рыбы, птицы и наземные животные. Все они, перерабатывая органическую пищу, выделяют отходы через специальное (заднепроходное) отверстие, которое располагается в конце тела под хвостом.

Таким образом, родовой признак животного предопределил его общую структуру (партитивную модель): оно начинается с головы, в передней части которой расположен орган, захватывающий пищу (пасть, клюв, рот). Голова соединена с продолговатым телом, в которое поступает проглоченная пища; тело имеет конечности, используемые для передвижения, и оканчивается выходным отверстием для отходов пищи, которое прикрывается расположенным над ним хвостом. (У хвоста разных животных множество самых различных функций, но эта, как кажется, единственная общая.)

Функция наземного животного такова: 'обладает конечностями для перемещения по земле, опираясь на которые, оно перемещается по земле, держа свое тело над землей' (этим оно отличаются от пресмыкающихся, ползающих по земле).

В итоге, получаем:

(23а) *Животное* 2 =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

животное 1, имеющее костный скелет внутри себя;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

обладает пастью для захватывания пищи, четырьмя конечностями, опираясь на которые, оно перемещается по земле, держа свое тело над землей;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ (УПРОЩЕННАЯ)

животное состоит из головы, соединенной посредством шеи с продолговатым телом, которое опирается на четыре лапы / ноги (две спереди и две сзади) и оканчивается заднепроходным отверстием, прикрытым сверху хвостом; в передней части головы располагается пасть, над ней — нос, через который оно вдыхает и выдыхает

воздух, над ним — глаза, а за ними (с боков головы) — уши; тело содержит в себе костный скелет: позвоночник и ребра, охватывающие и защищающие сердце, желудок и пр.; захваченная пастью и проглоченная пища попадает в желудок, где разлагается на питание, которое кровь, гонимая сердцем, разносит по всем физическим частям животного, и испражнения, которые через заднепроходное отверстие удаляются наружу; ноги / лапы, соединенные с позвоночником, предназначены для быстрого перемещения животного по земле, держа тело над ней (не касаясь ее другими своими частями); все животное покрыто кожей, на которой сверху растет шерсть, защищающая и согревающая его; под кожей находятся кости скелета, покрытые во многих местах мясом.

(24) *Птица* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

животное 1, имеющее костный скелет внутри себя;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

обладает клювом для захватывания пищи, двумя крыльями, покрытыми оперением, для перемещения по воздуху (над землей) и двумя лапами / ногами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ (УПРОЩЕННАЯ)

птица состоит из головы, соединенной посредством шеи с продолговатым телом, которое в верхней части имеет два перьевых крыла, предназначенных для перемещения по воздуху, а в нижней части две лапы / ноги, и оканчивается сзади заднепроходным отверстием, прикрытым сверху перьевым хвостом; в передней части головы располагается клюв, над ним — глаза, а за ними (с боков головы) — уши; тело содержит в себе костный скелет: позвоночник и ребра, охватывающие и защищающие сердце, желудок и пр.; захваченная клювом и проглоченная пища попадает в желудок, где разлагается на питание, которое кровь, гонимая сердцем, разносит по всем физическим частям птицы, и испражнения, которые через заднепроходное отверстие удаляются наружу; крылья предназначены для перемещения птицы по воздуху, а ноги / лапы — для приземления (или сохранения неподвижного положения на земле или на ветке дерева) и / или для перемещения по земле; вся птица покрыта кожей, на которой сверху растут перья, защищающие и согревающие ее; под кожей находятся кости скелета, покрытые во многих местах мясом.

Выражаю глубокую благодарность М. Н. Григорян, Н. В. Перцову и Т. В. Самариной за содержательные обсуждения текста статьи и ценные советы.

Литература

- АПРЕСЯН 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- БАЙБУРИН 2005 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. М., 1998.
- БУТОВСКАЯ 2004 — *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004
- ВЕЖБИЦКАЯ 1985 — *Wierzbicka Anna.* Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karona, 1985.
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996a — *Wierzbicka Anna.* Semantics, Primes and Universals. Oxford: Oxford Univesity Press, 1996.
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996b — *Вежбицкая Анна.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- ЗОРИНА, ПОЛЕТАЕВА 2002 — *Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология: Элементарное мышление животных: Учеб. пособ. М., 2002.
- КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ 1989 — Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- КОШЕЛЕВ 1996 — *Кошелев А. Д.* Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194.
- КОШЕЛЕВ 2006 — *Кошелев А. Д.* О языке человека (в сопоставлении с языком «говорящих» антропоидов // *Зорина З. А., Смирнова А. А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006. С. 367—423.
- ЛАЙОНЗ 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- ЛЯШЕВСКАЯ 2004 — *Ляшевская О. Н.* Семантика русского числа. М., 2004.
- МАС — Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985.
- НИКОЛАЕВА 2000 — *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- НОСС 1999 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. 2-е изд. М., 1999. (см. также: М.; Вена., 2004.).
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003. (см. также: М.; Вена., 2004.).
- ПАНОВ 2005 — *Панов Е. Н.* Знаки. Символы. Языки: Коммуникация в царстве животных и мире людей. М., 2005.
- ПАНОВ 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- РАХИЛИНА 1991 — *Рахилина Е. В.* Словарная статья существительного *забор* // Семантика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- РАХИЛИНА 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ — Славянские древности: Этнолингв. слов. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1—3. М., 1999—2004.

СЛОВАРЬ ДАЛЯ — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1989.

СЛОВАРЬ УШАКОВА — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1938.

ТКС — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

ХЕССАЙОН 2003 — *Хессайон Д. Г.* Все о розах. М., 2003.

ЯКОБСОН 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.